

Кадры решают всё

Автор:

[Роман Злотников](#)

Кадры решают всё

Роман Валерьевич Злотников

Элита элит #2

Здесь его знают как капитана Куницына – человека, который способен не только творить настоящие чудеса, но и учить тому же других. И главное из этих чудес – побеждать там, где победа немыслима. Идти до конца. С успехом противостоять элитным частям Вермахта, изо всех сил рвущимся к самому сердцу Советского Союза в страшное лето 1941 года.

Его настоящее имя – Арсений Александр Рэй. Он – гвардеец императора из мира далекого будущего. Его цель – помочь своей новой Родине не только закончить самую страшную в истории человечества войну с минимально возможными потерями, но и стать настоящей Империей. А для этого необходимо в первую очередь создать новую элиту общества. Тех, кто видит главной и единственной целью служение своей стране и ее народу. Элиту элит.

Роман Злотников

Элита элит. Кадры решают всё

Корпус крейсера мерно сотрясался от одновременных залпов множества орудий. Где-то там, далеко внизу, сейчас творился настоящий ад, в котором каждую секунду сгорали тысячи и десятки тысяч жизней. Такая большая цифра получалась потому, что вместе с крейсером нашего батальона по наземным целям работало еще почти полторы сотни крейсеров третьего, четвертого и нашего, седьмого, гвардейских корпусов. Так что десантные силы остатков шести экспедиционных флотов К'Соргов, стянутые на Тамолею Цируту, после того, как их выбили со всех остальных планет, заселенных только или преимущественно людьми, в настоящий момент чувствовали себя куском мяса в мясорубке. Ибо прицельно-навигационное оборудование гвардейских крейсеров даже с тех высот, где они находились, способно было не только различить каждую отдельную травинку на поверхности планеты, но и засечь любой источник энергии размером с батарейку для пальчикового фонарика на глубине сотни метров под поверхностью. Так что К'Соргам сейчас приходилось очень туго. Но они не собирались сдаваться. Тем более что часть их позиций оказалась очень хорошо прикрыта от нашего огня. Причем самой лучшей из всех имеющихся броней – заложниками. А это означало, что примерно через пятнадцать минут обстрел прекратится, и монады нашего батальона устремятся вниз, на поверхность. Вследствие чего у К'Соргов появится шанс устроить нам ничуть не меньший ад.

Тамолея Цирута была независимым окраинным миром, еще не так давно являющимся значимым членом Содружества Свободных Миров – мелкого недоразумения, включавшего в себя четыре системы и пять обитаемых планет. Впрочем, таковых здесь, на окраинах человеческого ареала расселения было большинство. Причем все они, поголовно, носили столь же претенциозные и помпезные названия. И так бы и пребывать ей в неизвестности и далее, но... именно ее К'Сорги выбрали в качестве и первого объекта атаки, и планеты, на которой они решили устроить свою передовую базу. Именно поэтому, когда эти Неразумные (несмотря на то, что в каталоге-классификаторе они относились к разделу «разумные виды»), получив по зубам от Империи, покатались обратно, остатки шести экспедиционных флотов, которые были выбиты с других захваченных планет, но не уничтожены полностью, оказались стянуты на Тамолею Цируту. Эту планету оккупанты удерживали дольше всего и потому сумели укрепить ее лучше любой другой.

Это было мое первое боевое десантирование. Я вообще только семь месяцев назад стал полноправным гвардейцем, перейдя из кандидатов в собственно Гвардию, то есть в ее штатный состав. И, в связи с этим, у меня, естественно, родился тщательно лелеемый план взять месяца два отпуска, во время которых

в удовольствие попутешествовать. Оклад гвардейцам был положен не очень большой, зато все наши перемещения император оплачивал из своего кармана. Так что много путешествовать было в традициях Гвардии. Но... не срослось. Потому что именно в тот день, когда я подал рапорт на отпуск, К'Сорги решили снова, так сказать, пощупать человечество за вымя. И в этот раз подготовились к данному мероприятию куда лучше, чем в прошлый. Потому что сейчас в человеческий космос вторглось сразу одиннадцать экспедиционных флотов. Причем атаковали они отнюдь не Империю, а окраинные образования (язык не поворачивается назвать их государствами), большинство из которых включало в себя всего по одной планете, а самое большое – Народная демократическая республика Миры свободы – всего восемь. Так что уже через полгода К'Сорги захватили двадцать семь миров, населенных преимущественно людьми (преимущественно, потому что население окраинных миров – такая солянка). Впрочем, это было вполне объяснимо. По уровню технологического развития К'Сорги относились к поколению 7А, то есть опережали окраинные миры ареала расселения человечества как минимум на одно, а кое-какие и на пару поколений, а десантный наряд стандартного экспедиционного флота этой расы насчитывал более двадцати миллионов особей. При этом территориальные силы обороны большинства окраинных планет не превышали миллиона человек, и вооружены они были соответственно уровню технологического развития той планеты, которую они обороняли. Ах да, было еще и так называемое ополчение – охотники, трапперы, поселенцы дальних кордонов, да и просто горожане, любящие пострелять, объединенные в стрелковые клубы и владеющие теми или иными стрелковыми комплексами – от древнейших пороховых до вполне себе современных импульсных или гравиконцентратных. Короче, «свободные люди, взявшие в руки оружие, чтобы защитить свою свободу»...

Я вообще поражаюсь, насколько в обществах, которыми управляют и манипулируют с помощью «демократического» пула управленческих технологий, модно использовать прилагательное «свободный». Нет, «народный» или «демократический» используется тоже весьма широко, но «свободный» – это просто какой-то фетиш. Чуть ли не треть очень жестко управляемых олигархией приграничных лимитрофов имеет в своем названии слово «свободный». Содружество Свободных Миров, Народная демократическая республика Миры свободы, Свободная демократическая республика Обол, Союз свободных граждан планеты Квея – перечислять замучаешься!..

Так вот, были еще и ополченцы. На разных планетах их число составляло от одного до семи процентов населения, что для Тамолеи Цируты составляло, например, около двух с половиной миллионов человек. Их уничтожили

практически молниеносно. Ну да, боевой особи К'Соргов в полном оснащении, включенной в полноценную командную сеть, даже тысяча-другая подобных, с позволения сказать, «бойцов», облаченных в гражданский «камуфляж» и оснащенных примитивными ручными комплексами, была только смазкой для жвал. Так что первое время вторжение К'Соргов напоминало парадный марш.

Кто знает, возможно, остановись К'Сорги на окраинах – им удалось бы какое-то время повластвовать на этих планетах. Вряд ли большое. Несмотря на принцип Империи защищать только своих, совершенно ясно, что оставлять под властью враждебной человечеству расы столько заселенных людьми планет, предоставляя этой расе практически неограниченные возможности по изучению противника – его физиологии, соционики, типа и особенностей мышления и так далее, равнозначно пилению сука, на котором сидишь. Так что император точно нашел бы причину, чтобы вышвырнуть К'Соргов обратно. Но какое-то время у них было бы. Однако после того как им удалось так легко захватить почти три десятка заселенных людьми планет, К'Сорги почувствовали себя круче вареных яиц. И очередной раз совершили свою самую большую ошибку – атаковали планеты Империи.

«До выброса четыре минуты!» – негромко раздалось из динамиков. Я покосился на соседей. Все пока сидели с открытыми забралами и деактивированными латами. На сей раз доставку нас на планету должны были осуществлять десантные челноки, которые, после сброса бойцов, брали на себя роль артиллерийских платформ поддержки, так что активировать боевые латы пока смысла не было. Незачем зря гробить ресурс... Прямо напротив меня, подремывая, привалился к борту Кра Эмерли, великий актер, комик, по слухам получивший за последнюю роль около восьмидесяти миллионов. Рядом с ним сосредоточенно рылся в ГИ-сети сеньор Эклауилио Веласкес, председатель Совета директоров и основной владелец «Веласкес системас индастриалес», входящей в первую двадцатку крупнейших корпораций Империи. Он торчал в сети каждую свободную минуту, утверждая, что его время стоит слишком дорого, чтобы тратить его на пустяки. Когда я впервые узнал кто он такой, то пару суток ходил под впечатлением. Нет, всем известно, что гвардейцы – элита империи, но на кой черт идти в рядовые гвардейцы человеку, стоящему более пятисот миллиардов?! Впрочем, когда я собрался с духом и спросил его об этом, Веласкес на пять минут вынырнул из сети и усмехнулся:

– Не понимаешь?

– Нет, – совершенно искренне мотнул я головой.

– Все очень просто, – спокойно пояснил один из самых богатых людей человечества. – Для того чтобы стать командиром гвардии, надо посвятить ей жизнь. А я слишком люблю то дело, которым занимаюсь, чтобы уделять чему-то еще большую часть своего времени. Поэтому я был и буду рядовым гвардейцем.

Он замолчал и окинул мою еще более озадаченную физиономию насмешливым взглядом. Озадаченную, потому что после его слов мне стало еще более непонятно, что он вообще делает в гвардии. Если ему так нравится заниматься бизнесом – занимался бы им. Ну вот никогда не поверю, что человеку с таким уровнем доходов и связей требовался еще и официальный статус гвардейца. У него и так до хрена влияния. Или я чего-то не понимаю?.. Как выяснилось – да, не понимаю.

– А в гвардии я потому, что считаю: я достоин быть элитой элит. Но это невозможно, если не служишь. И дело тут не только в том, что так устроено в Империи, где именно гвардейцы не только считаются, но и по-настоящему являются элитой элит. Это всего лишь констатация реальности. Реальность же состоит в том, что любая другая элита – великие артисты, гениальные инженеры, уникальные программисты, талантливейшие финансисты, спортсмены, промышленники и так далее, могут быть наняты. Причем откуда угодно – из другого народа, с соседней планеты, из чужой страны. Но элита высшей категории, то есть элита элит или знать, – может быть только создана, воспитана, выращена внутри самого государства. И создана она может быть только через служение. Поэтому я здесь.

– А... если вас убьют?

– Тебя, кандидат, – снова усмехнулся Эклауилио. – Тебя. Ты уже отрубил в нашей монаде больше года (этот разговор состоялся почти полтора года назад). И, как мне кажется, имеешь все шансы стать полноправным гвардейцем. Так что пора перейти на «ты». Что же касается твоего вопроса... – он задумался. – Ну, во-первых, убить гвардейца очень и очень непросто. А, во-вторых – за все надо платить. В том числе и за принадлежность к элите элит. То, что достается бесплатно – иллюзорно, и даже не заметишь, как оно утечет сквозь пальцы. Вот, например, ты интересовался тем, сколько людей, ставших миллионерами в результате выигрыша в лотерею, осталось таковыми спустя хотя бы пять лет после выигрыша?

– Нет, – мотнул я головой.

– Ноль, – жестко усмехнувшись, ответил сеньор Веласкес[1 - Так сказать – медицинский факт. Большинство выигравших в лотереи, так или иначе теряет свои деньги в течение первых трех-пяти лет. Несколько примеров: Вивиан Николсон – одна из самых знаменитых победительниц лотереи, выигравшая в 1961 году 3 миллиона долларов (более 100 миллионов долларов в современных ценах). На вопрос журналистов: «А что вы будете делать с выигрышем?» заявила, что будет «тратить, тратить, тратить!». Потратила все деньги за 5 лет. За это время успела выйти замуж пять раз, окончательно овдоветь, пережить инсульт, стать алкоголичкой, вылечиться от алкогольной зависимости, попытаться два раза покончить жизнь самоубийством и провести некоторое время в дурдоме. Сейчас она пенсионерка без семьи и работы, которая живет на свою пенсию в 300 долларов. Келли Роджерс. Эта девушка была самым счастливым подростком на планете. Она выиграла в лотерею 1,9 миллионов евро, когда ей было 16 лет. К 22 годам у нее в активе было 2 попытки самоубийства, 2 ребенка и работа горничной. Денег – нет. Майкл Кэррол – 15 миллионов. Безработный 26-летний британец пошел в супермаркет, чтобы купить бутылочку пива, но «к сожалению» у него не хватило денег, и тогда он купил два лотерейных билета. Результат – развод с женой, игровая зависимость, беспорядочные связи, наркотики. Сегодня Майкл Керрол работает мусорщиком и зарабатывает 5 долларов в час. Уильям Пост живет на социальное пособие, несмотря на выигрыш в лотерею более 16 миллионов долларов. Джеффри Дампайр, выигравший 20 миллионов в лотерею, был убит жадными родственниками. Но, наверное, самым примечательным примером для живущих в России будет семья Мухаметзяновых из Уфы, выигравшая в 2001 году миллион долларов. Вдумайтесь – миллион долларов! В России! В 2001 году! Деньги кончились через год. Все. А через пять лет, в 2006 году, мать семейства похоронили по минимальному тарифу. Оградка – 1200 рублей, памятник – 800, а на фотографию на памятнике денег не хватило.]. А затем продолжил: – К тому же, опасность погибнуть – тоже фильтр. И эта опасность отпугнет от гвардии себялюбивых, циничных, жадных и малодушных. Империи нужна здоровая элита. А то, что при этом погибнет какая-то часть стойких, честных и талантливых – куда меньшее зло для Империи, чем элита элит, состоящая из этих самых себялюбивых, циничных, жадных и малодушных. Что же касается конкретно меня... – он на мгновение замолчал, качнул головой, и закончил, как припечатал: – Я – имперец. И если моя гибель поможет Империи продлить свое существование хотя бы на год – так тому и быть. Империя – главное наследство, которое я могу и должен передать моим детям. А «Веласкес системас

индастриалес» – это так... семейная скобяная лавка.

Он погиб там, на Тамолее Цируте. Как и Кра Эмерли, и Жардин Семеркин, талантливый биолог, открывший целый подкласс двоякодышащих растений, и Микола Жовтний, чрезвычайно одаренный кутюрье, только за четыре месяца до десанта на Тамолею возглавивший модный дом «Плесси», один из трех крупнейших модных домов Империи, и кандидат в Гвардию Герхард Циммерман, на тот момент просто весьма одаренный инженер, только полгода назад с отличием окончивший Цюрихскую высшую техническую школу. Кем он мог бы стать? Кто его знает... Но уж точно не унылой серой посредственностью. Но он так же заплатил своей жизнью за то, чтобы в Империи по-прежнему была здоровая элита... И вообще седьмой гвардейский корпус понес на Тамалее Цируте самые большие потери за всю свою историю. Но именно на этой планете были перемолоты остатки сил вторжения К'Соргов. Так что за следующие одиннадцать месяцев объединенные вооруженные силы Империи сумели продвинуться до их планеты-столицы...

* * *

Я открыл глаза и несколько мгновений прислушивался. В землянке стояла полная тишина, нарушаемая только легким сопением Нечипоренко, прикорнувшего в углу, рядом с телефонным аппаратом. Он спокойно дрых, не опасаясь случайно пропустить звонок, потому что хитрый хохол умудрился примотать телефонную трубку к своей голове медицинским бинтом. Я несколько мгновений полежал, пытаюсь понять, что же меня разбудило. Причем основательно, сон как рукой сняло. Но так и не понял. Поэтому я откинул шинель, которой укрывался, сел, засунул руку под нары, нащупал там сапоги с намотанными вокруг голенищ портянками и принялся тихо обуваться. Раз уж все равно не спится – стоит выйти на воздух, подышать, послушать...

Выбравшись из землянки, я некоторое время постоял, прислушиваясь и осматриваясь по сторонам, а затем вздохнул и, прикрыв глаза, попытался напрячь все органы чувств и... ну... не совсем органы. Пару мгновений ничего не происходило, а затем... я широко раскрыл глаза, усмехнулся и, развернувшись, снова нырнул в землянку.

– Нечипоренко!

– Ась! – рядовой испуганно вздрогнул и заморгал сонными глазами. – Товарищ капитан, я тут трохи...

Я оборвал его испуганное бормотание коротким жестом.

– Вот что – давай, буди всех командиров. Пусть поднимают личный состав и организуют завтрак. А сами, как поедят, – ко мне. Минут через сорок-пятьдесят. А я пока сбегаю в штаб корпуса.

– Так точно, товарищ капитан, – обрадованный тем, что не получил вполне заслуженный нагоняй (а как вы думали – за сон на посту... ну ладно, на дежурстве, в военное время можно и под трибунал пойти), Нечипоренко принялся одной рукой споро разматывать бинт, а второй ухватился за рукоять индуктора. Я же развернулся и вышел из землянки.

До штаба корпуса я добрался минут через двенадцать. Мой батальон дислоцировался на опушке леса, со всех сторон окружившего деревеньку Масенево, в которой и размещалось все корпусное управление – то есть штаб, тыл, политуправление, особый отдел и остальные службы. Кроме того, на противоположной стороне деревеньки располагался корпусной полевой госпиталь, куда мои подчиненные после передислокации батальона сюда, в Масенево, поближе к штабу корпуса (то есть всю последнюю неделю), регулярно бегали «жениться». Хотя все удивлялись, как у них еще силы-то остаются после нагрузок, которые я им обеспечивал.

Часовой у штаба бдел. Относительно. То есть он не спал и даже почти не дремал, и на стену тоже опирался очень слегка. Но полноценно исполнять обязанности часового в таком состоянии он, конечно, не мог. Хотя даже если бы он исполнял их полностью по уставу, для меня это ничего бы не изменило. Для любого гвардейца абсолютно одинаково, спит или нет одиночный человек, не освоивший даже первую степень антропрогрессии. С ним можно делать все что угодно – можно убить, можно захватить, можно просто игнорировать. Но это был не враг, поэтому я ограничился минимальным воздействием – рывком приблизился к часовому и, прежде чем он успел осознать, что кто-то внезапно возник прямо рядом с ним, легко стукнул пальцем в точку под основание черепа. После чего спокойно взбежал по ступенькам на широкое крыльцо деревенской школы, в которой и размещался корпусной штаб...

Нет, можно было проникнуть в штаб и обычным способом, так сказать, по уставу, но это означало бы вызывать начкара, объяснить ему, зачем мне понадобилось ни свет ни заря тревожить генерала, затем все то же самое объяснить дежурному по штабу, потом, возможно, начальнику штаба и лишь после этого меня, скорее всего, допустят пред светлые очи комкора. А времени не было от слова «совсем». Судя по тому, что я смог ощутить – немцы начнут с рассветом. И хорошо бы нам к тому времени не только проснуться, но и хоть как-то подготовится. Хоть как-то, потому что хорошо подготовиться мы просто не могли. За время, пока длилось затишье, корпус немного пополнили людьми и вооружением, вследствие чего боеспособность он, конечно, восстановил, но – весьма относительно. Все равно в подразделениях личного состава было дай бог на две трети от штата, с вооружением так же все обстояло далеко не радужно, особенно с тяжелым, а уж о боевой слаженности говорить вообще не приходилось. Ну что можно сделать за неделю-полторы? Собрать отделение, взвод, роту? Даже насчет отделения – не уверен. Тем более с помощью используемых здесь методик и учитывая уровень подготовки самих командиров.

Впрочем, в своем батальоне я все-таки что-то сделать сумел. Хотя, с другой стороны, и пополнения у меня было, дай бог, процентов двадцать, причем сразу же попавших в жесткие руки моих ветеранов... А что? Только так их и стоит называть. На общем фоне мои ребята смотрятся ой как грозно. И не зря: в конце концов, мы – единственное подразделение РККА, которому в этой войне массово сдавались немцы. О других я пока нигде не читал и не слышал. А вот о нашем батальоне уже не только писали в армейской газете, но и репортаж был по радио. Сам репортаж – так себе, нечто типа: «Умело бьют врага бойцы Н-ского отдельного батальона под командованием капитана Куницына. За время боевых действий в тылу врага батальон уничтожил обалдеть сколько танков и самоходных орудий, умереть не встать сколько солдат противника и просто охренеть сколько пушек. Кроме того, подорвано опупеть сколько мостов и убить б землю сколько складов с оружием, боеприпасами и военным снаряжением...». Вот только склады эти почти все как один – бывшие наши. Да и остальные успехи, по моему мнению, выглядят таковыми только на фоне неудач всех остальных...

Комкор спал. Ординарец тоже, но его я поднял с лежанки недрогнувшей рукой. Мордатый младший сержант вскинулся было спросонья, но, разглядев, кто его сдернул с постели, тут же притих и забормотал виновато:

– Так это, спит он, товарищ капитан... Спит товарищ генерал-то... За полночь лег.

– Поднимай, пора, – оборвал я его сбивчивую речь и вышел на улицу. Того, что этот сержант не отреагирует на распоряжение какого-то левого комбата, я не боялся. Сложилась у меня тут кое-какая репутация, позволяющая мне в любое время дня и ночи и по любому вопросу напрямую заходить как к комкору, так и ко всем нижестоящим начальникам, начиная от начальника штаба корпуса и заканчивая последним начальником службы корпусного управления. Это не означало, что все мои просьбы и требования принимались к немедленному исполнению, отнюдь нет. Но игнорировать меня после пары-тройки случаев уже никто не пытался.

Часовой, уже оправившийся от моего легкого удара, удивленно уставился на меня, не понимая, как это я мог появиться изнутри штаба. Впрочем, недоумение быстро ушло. Кто меня знает – может, я прибыл в штаб в предыдущую смену или вообще с вечера тут заночевал... Удар в ту точку никакого особенного вреда прямо не наносит, но, если этот удар нанесен правильно и точно – человек на пару мгновений просто выпадает из реальности. Не знаю точно, что кому кажется – кого-то может просто замутить, у кого-то на несколько мгновений может закружиться голова, а у кого-то, возможно, дыханье сдавит и в глазах звездочки появятся. Но через пару мгновений все проходит. А вот что в эти пару мгновений творится рядом с ним – человек не воспринимает, поскольку в этот момент полностью сосредоточен на своих ощущениях. И то, что с ним творилось за пару мгновений до этого, как он считает, приступа, тоже помнится как в тумане. То есть – то ли было, то ли это просто глюк. Так что даже если часовой за мгновение до того, как я ткнул ему пальцем под основание черепа, и успел меня идентифицировать, сейчас он об этом, скорее всего, не помнил. Или считал, что ему просто почудилось. Ибо будь я каким-то образом причастен к тому, что ему стало плохо, – разве ж стоял бы я так спокойно на крылечке, глядя на звезды?

Я же, пока еще было некоторое время, решил провести ревизию того, чего мне удалось достигнуть за то время, что прошло с момента прорыва моего батальона через линию фронта. В принципе, я провел это время довольно продуктивно. Во-первых, я... учился. Секретная часть штаба корпуса оказалась для меня настоящей «пещерой сокровищ». Приказы, наставления, руководства, боевые уставы, директивы и распоряжения, технические справочники и обзоры, секретные и несекретные военные журналы, с которыми я получил возможность

ознакомиться, дали мне такой объем информации, что осваивать ее, проводить анализ и выстраивать логические цепочки предстоит еще месяца полтора. А то и больше. Все зависит от того, сколько времени я смогу выделить для погружения в состояние разделенного сознания. Впрочем, судя по тому, что меня сегодня разбудило, в ближайшие дни этого времени у меня будет очень мало... Но на чисто армейской информации я не остановился – я еще основательно прошерстил и школьную библиотеку: учебники, подшивки газет и журналов, справочники, таблицы, методички и тому подобное... Так что я читал все, до чего мог дотянуться – и открытые источники, и ДСП[2 - ДСП – для служебного пользования. Первый уровень закрытия информации. Следующим считалась секретная, затем совершенно секретная информация и последним, самым высоким – особой важности.], и секретные. Ну, те, до которых меня допустили. Тем более что секретная часть располагалась именно в помещении школьной библиотеки. А кроме того, важнейшим источником информации были и сами люди. Разные – от офицеров управления корпуса до ездовых второго разряда, от госпитальных санитарок до местных колхозников. Вступать в долгие разговоры с людьми я уже не боялся, потому что усвоенной информации было вполне достаточно для того, чтобы где надо – вздохнуть, где надо – поддакнуть, а где надо – сокрушенно произнести что-то типа: «Как я вас понимаю...». А этого в девяносто девяти случаях из ста вполне достаточно для того, чтобы люди сами рассказали тебе все, что ты хочешь узнать... Так что все это время и каждую свободную минуту я жадно поглощал информацию.

Во-вторых, я учил. Учил своих бойцов, учил пополнение, учил командиров подразделений и... командиров из штаба корпуса. Правда, последних исподволь: то фразочку брошу, то, «выйдя в туалет», оставлю на столе карту, «поднятую»[3 - Поднять карту – нанести на карту обстановку: расположение своих подразделений и частей, войск противника, маршруты выдвижения, районы сосредоточения, обозначить проходимость дорог, допустимую нагрузку мостов и т. п.] по стандартам тактических планшетов гвардии, а потом пару часов объясняю, что означают те или иные значки и пиктограммы и для чего я их нанес. Или полчаса проторчу у школьной доски (а они здесь, почитай, в каждом кабинете – школа же), выписывая вполне себе школьные формулы, только с совсем не школьными переменными: скорострельностью оружия и плотностью огня на различных дистанциях, диаметрами овалов рассеивания и их смещением в процессе разогрева стволов вследствие интенсивной стрельбы, углами секторов наведения орудий и тому подобным, после чего снова объясняю. Вообще, для меня было шоком то, как мало местные командиры считают. И как широко здесь используются весьма однообразные тактические шаблоны. И то, что здесь вообще не используют такие базовые для меня понятия, как

коэффициент эффективности, или там, множитель доступности. Более того, даже сами эти понятия большинству пришлось объяснять не раз и не два. А кое-кто так до сих пор и не понял... Но комкор и большинство офицеров штаба, в конце концов, смогли-таки разобраться. И даже заставили меня провести занятия по тому, что они называли «боевыми тактическими расчетами» не только для командиров штаба, но и для командиров соединений и частей корпуса, которых согнали на однодневные сборы. Не скажу, что исключительно ради моего занятия: политотдел, например, успел провести корпусную партийную конференцию, а комкор еще и двухчасовое совещание по боевому планированию. Но судя по тому, какими озадаченными выходили с моего занятия командиры (и каким довольным выглядел при этом комкор, тихо просидевший на задней парте) – оно точно было одним из, так сказать, «гвоздей» мероприятия...

Ну и, в-третьих, я планомерно готовил свой выход на более высокий уровень. Не сейчас, нет. Чуть погодя. Ну, когда все мои предложения – от нестандартных методик подготовки рядового и командного состава до тех же «боевых тактических расчетов» – будут взвешены, оценены и доложены «наверх». Где, в свою очередь, их так же взвесят и оценят, а потом скрупулезно сравнят боевую эффективность моего подразделения и пусть и не подобных (таковых здесь нет и пока им точно неоткуда появиться), но хотя бы более-менее успешных местных. И сделают соответствующие выводы. Вот тогда и...

– Чего сам не спишь и людям не даешь? – хрипло спросил меня генерал, появляясь на крыльце. Я был готов к его появлению, поскольку слышал, как скрипели половицы и гремел в сенях рукомо́йник, поэтому просто развернулся, отдал честь и протянул вперед руку с уже приготовленной зажигалкой. Комкор недоуменно застыл, уставившись на неожиданно возникший перед его носом огонек, потом хмыкнул и потянулся к нему уже приготовленной в руке папироской. Затянулся. И убрал свою зажигалку в карман.

– Все фокусничаешь, Куницын, – буркнул он, затягиваясь, и, уже, считай, традиционно, продолжил: – И откуда только ты такой взялся?

– Издалека, товарищ генерал, – так же традиционно ответил я. – Отсюда не видно.

Генерал затянулся, пыхнул дымом и снова спросил:

– Так чего будил-то?

Я продолжал молча стоять перед ним. Комкор покосился на часового, слегка скривился, быстро затянулся еще пару раз и отшвырнул папиросу.

– Ладно, пошли внутрь.

В штабе уже все давно привыкли к тому, что я и сам неукоснительно соблюдаю «Требования к соблюдению режима секретности в служебном и частном общении» и того же добиваюсь от всех своих собеседников, невзирая на их должности и звания. Впрочем, сами «Требования...» никто из местных, естественно, в глаза не видел, а все, что они из них знали, слышали от меня. Но не согласиться с тем, что они вполне разумны и актуальны, было невозможно. Тем более что кое-какие похожие документы и инструкции имелись и в этой армии.

– Ну?

– Немцы готовятся к атаке, – спокойно произнес я.

– Где? – генерал подался вперед. – У нас? Когда? Кто доложил?

– Я.

– Что ты?

– Я – доложил. Вам. Только что.

Комкор воткнул в меня напряженный взгляд.

– Ты... ты послал разведку? Почему я не знаю?

Я мотнул головой.

– Нет. Я не посылал никакой разведки. Просто... когда очень большое количество людей отчего-то просыпается глухой ночью и приходит в движение – это

странно. А на войне еще и опасно. Особенно если это движение на стороне противника, – я сделал короткую паузу, и чуть подался вперед, акцентируя внимание генерала на своих следующих словах, а затем произнес чуть громче, чем ранее: – Я проснулся от того, что почувствовал, как в нескольких километрах от нас внезапно проснулось и пришло в движение несколько десятков тысяч человек. Я умею это чувствовать. Не всегда. Чаще ночью, когда вокруг меня все спят, а на другой стороне вот так сразу много проснулось. И не очень далеко. Но это зависит от того, сколько там внезапно проснулось. Десяток могу почувствовать в паре сотен метров, тысячу – уже за километр. Но только, опять-таки, если вокруг меня не будет бодрствующих. Причем желательно не только людей, но и вообще живых существ – животных, птиц...

Генерал несколько мгновений сверлил меня взглядом, а затем тихо спросил:

– И где?

Я пожал плечами.

– Настолько точно я не чувствую. Хотя... наибольшее скопление где-то в полосе сто тридцать седьмой дивизии. Но утверждать точно, что удар наносится именно там, – не возьмусь. Может быть, там просто сосредоточены тыловые службы наступающей группировки. Впрочем, в полосе Гришина – лучшие дороги...

Я замолчал. Комкор молча достал из кармана пачку папирос, выудил одну, потом покосился на меня и просто покрутил папиросу в пальцах. Потом скрипнул зубами и глухо спросил:

– Кто ты такой, капитан?

Я молча смотрел на него. На этот вопрос я буду отвечать гораздо позже. И не ему. Хотя генерал отчаянно хотел получить ответ на этот вопрос. И боялся. После той истории с капитаном НКВД Бушмановым он некоторое время опасался со мной общаться. Как, впрочем, и все остальные, кто был в курсе этой истории. Но потом, насмотревшись на тренировки моих ребят, сменил, так сказать, гнев на милость и начал задавать осторожные вопросы: а почему? а зачем? а как это? а где такому учат?

Впрочем, эти вопросы волновали не только командира корпуса, но и большинство других командиров (да и не только их, а вообще всех – от ездовых службы тыла до санитарок полевого госпиталя), среди которых был и оставленный майором Буббиковым при управлении корпуса «на усиление» старший лейтенант Коломиец. Но он особенно ко мне не лез, предпочитая маячить поодаль и не задавать особенных вопросов – то ли оказался умнее Бушманова, то ли просто получил такие инструкции. Впрочем, я не сомневался, что материала на меня у него собрано уже море. Но это было в моих интересах. Если я собирался помочь государству, на стороне которого так неожиданно для себя оказался, выиграть эту войну с минимальными, исходя из той ситуации, в которой оно оказалось, потерями и с максимальными приобретениями и получить тем самым больше возможностей для исполнения своего Долга и Воли императора – мне не стоило особенно долго задерживаться в должности командира батальона. Надо было двигаться выше. Но не сразу, а чуть погодя. А если точнее – после еще одной боевой операции. Надо, как я уже упоминал, дать местным еще немного времени, чтобы оценить все, что я уже тут «напрогрессорствовал» в самом главном для победы в войне (да и не только в войне, а в любой области человеческой деятельности) – методиках подготовки персонала (в данном случае боевой подготовки), а также приемах и методах текущего и ситуационного управления. Судя по тому, что местный лидер в одной из своих речей заявил: «Кадры решают всё» – то, что я уже показал, непременно должны оценить. Вот и дадим им для этого немного больше времени. Ну и заодно еще и продемонстрируем результаты применения всего показанного. А в том, что результаты будут очень... м-м-м... наглядными – я не сомневался. Несмотря на то, что мой батальон вроде как считался корпусным резервом, действовать я собирался по-своему. И отдельно от всех остальных...

Ну а то, что на этот раз за моей операцией будут следить куда более тщательно, было мне на руку. Больше глаз – меньше возможностей оспорить эти результаты.

– Значит, считаешь, они начнут с рассветом? – не дождавшись ответа, снова спросил комкор. Я кивнул и поднялся со стула.

– Через сорок минут я увожу батальон в Ньюшино болото.

– Что?! – комкор изумленно воззрился на меня. – Но... как?! Кто? – он побагровел. – Я запрещаю! Твой батальон – единственный резерв корпуса, и я требую...

Я вскинул руку. Генерал осекся.

– Успокойтесь, Степан Илларионович[4 - Автор знает, что генерал-майор Еремин был ранен 22 июля, а 28 июля во время переправы через Сож – убит, но считает, что действия главного героя в тылу немцев, описанные в первой книге цикла, уже привели к некоторому изменению реальности. Например, разгром штаба 293-й пехотной дивизии явно должен был привести к хотя бы частичному сбою управления. Перебои с топливом, вызванные подрывом захваченных немцами топливных складов РККА, а также разгром маршевых подразделений, отправляющихся для пополнения передовых частей – слегка замедлить продвижение. Ненадолго – на несколько часов, возможно, на день-два. Но в этом случае наши вполне могли бы, например, успеть взорвать мост в Борисове. А это еще два-три, а то и больше дней задержки наступления. Да и вообще, в этом случае бои за Борисов вполне могли привести к тому, что, скажем, 18-я танковая дивизия вермахта, и в реальной истории потерявшая за время этих боев половину своих танков, к их исходу, могла бы стать полностью небоеспособной и была бы выведена на переформирование. А осуществленный бойцами батальона главного героя подрыв мостов через Березину еще больше сдвигает сроки начала Витебского сражения и дает нашим войскам больше времени на развертывание и оборудование позиций. Следствием чего (вкуче с отсутствием 18-й танковой дивизии и другими потерями) может стать, как минимум, не полностью удавшийся котел под Оршей и, как следствие этого, – совершенно другие результаты всего Смоленского сражения. То есть ситуация на фронте в реальности книги уже (хоть пока еще и не очень значительно) отличается от той, что была в исторической реальности и (авторской волей) генерал-майор Еремин на конец августа так же жив-здоров.], я использую этот резерв наилучшим образом.

– Но... как... фронт...

– Фронт вы все равно не удержите, – спокойно произнес я. – Вернее, если мы с вами перестанем вести пустопорожние разговоры и начнем действовать, вы-то как раз сможете удержать его немного дольше, чем ваши соседи. Что, если я правильно понимаю, должно снять с вас любые обвинения. И это – хорошо. А плохо – то, что в этом случае вам придется при отступлении очень постараться, чтобы не попасть в котел. И именно этим, то есть организацией правильного отступления, я бы и посоветовал вам заняться в первую очередь. Тем более... – тут я сделал короткую паузу, окинув спокойным взглядом побагровевшего от ярости и собирающегося разразиться гневной тирадой генерала, – шанс на это у

вас будет. Точно. И обеспечу вам его я.

Все-таки, признаю, я был несправедлив к комкору. Просто, я привык к куда более высоким стандартам подготовки и все меряю по ним. А если ориентироваться на местные стандарты, он хороший командир. Вот и сейчас он не стал (хотя явно было видно, что хотелось) орать на меня, бить кулаком по столу и совершать еще какие-нибудь столь популярные у местного руководства (да-да, имел честь наблюдать), но совершенно неконструктивные телодвижения, а, чуть ли не со скрипом преодолев свой душевный порыв, коротко спросил:

– Как?

– Долго рассказывать, – обрезал я дальнейшую дискуссию. – А времени нет. Просто знайте, что если вы сумеете не обрушить фронт хотя бы пару-тройку дней, повторяю – не удержать фронт, а именно не обрушить, пусть и медленно отступая – через эти пару-тройку дней давление на вас резко снизится. Ненадолго – также на два-три дня. Максимум на четыре. И вот в этот момент вы и сможете либо оторваться и отступить без потерь, либо... – я усмехнулся, – ударить куда-то в сторону, в тыл тем, кто давит на ваших соседей. А лучше всего – совместить оба этих подхода и отступить по тылам тех, кто давит ваших соседей, – после чего коротко кивнул и вышел из штаба.

2

Старший сержант Головатюк, осторожно приподнялся и, чуть прищурив глаза, всмотрелся в предрассветный сумрак. Деревенька спала. Все население – и местное, и пришлое. Хотя нет, один из пришлых все-таки не спал и маячил на ближней околице. Головатюк некоторое время настороженно вглядывался в часового, торчащего у припаркованного у крайней избы автомобиля. Судя по полностью закрытому кузову, это была автомастерская. Ну, так и подразделение, которое занимало эту деревеньку, было ремонтной ротой...

Из Ньюшина болота, как именовали его местные жители, батальон выбрался около полудня. Линию фронта удалось преодолеть за три часа, из которых первые два часа пришлось на ночь и предрассветные сумерки, а последний час – на артподготовку и начало немецкой атаки. Но после этого батальон шел (или,

вернее, полз) по болоту еще пять часов.

Немцы атаковали наши войска западнее. Артподготовка была не слишком долгой – минут двадцать, а потом, судя по едва различимому на таком расстоянии треску стрелкового оружия, немцы пошли в атаку. Но, как видно, не слишком удачно. Потому что уже через десять минут в партитуру боя вплелись длиннющие, до кипения воды в козухах, очереди «Максимов», а затем в небе с той стороны послышался гул моторов СБ и устаревших поликарповских бипланов, которые как истребители уже были, считай, ни на что не годны, зато как штурмовики – самое милое дело. Не слишком большая скорость и высокая маневренность позволяли буквально брить траву над полем боя, а винтовочный калибр пулеметов, против современных немецких бомберов и истребителей уже слабоватый, против пехоты был то, что надо. Особенно если принять во внимание их сумасшедшую скорострельность[5 - Истребители-бипланы разработки Поликарпова И-15-бис и И-153 к началу войны практически не были способны сражаться ни с одним немецким истребителем и догнать большую часть немецких бомбардировщиков, поэтому чаще всего использовались как штурмовики. И показали себя очень неплохо, так как имели в качестве вооружения четыре пулемета ПВ или ШКАС скорострельностью до 1800 выстрелов в минуту и могли нести до восьми РС-82 под крылом либо до 200 кг (и больше) бомб.]. Ну и бомбы либо реактивные снаряды под крылом тоже для штурмовки вполне к месту.

Головатюк в тот момент, едва расслышав уже знакомые звуки моторов самолетов, довольно заулыбался. Потому что своими ушами слышал, как перед самым началом марша, когда батальон уже вытянулся в походную колонну, к их расположению подъехал на своей «эмке» комкор и, отозвав их командира, вполголоса заговорил о чем-то с ним. Всего разговора Головатюк не услышал, но вот ответ комбата расслышать смог.

– Не знаю, товарищ генерал-майор... – задумчиво ответил тогда капитан. – Если рискнете прыгнуть через голову вышестоящего начальства – постарайтесь заранее и напрямую связаться с авиацией. Бомбовый удар или штурмовка в тот момент, когда немцы пойдут в атаку, позволят очень хорошо проредить первый эшелон. Пока немцы будут перегруппировываться, пройдет несколько часов. Так, глядишь, и удастся до вечера дотянуть. А где один день, там, может, и пару получится продержаться...

Старший сержант тогда даже возгордился. Эвон какой у них командир – генералам советы дает! И не то дорого, что дает, – Головатюк бы и сам кое-что умное сказать мог бы, спроси его мнения какой генерал. Так ведь не спрашивает никто. А вот у их командира – спрашивают. Ну да по делу и честь. Если уж по правде говорить, Головатюк до сего момента таких людей не встречал. Капитан Куницын столько знал и умел, что казался каким-то... ну, не знаю... пришельцем, что ли. С Марса, как в романе товарища Толстого. Головатюк читал его в полковой библиотеке и очень проникся. А с другой стороны – те, на Марсе, пожалуй, куда как пожиже будут. Так что как бы не с самого Солнца... Вот взять хотя бы чтение. Нет, старший сержант окончил семилетку, и читать умел вполне себе хорошо. Даже в комсомольской организации роты, ну той, старой, взял себе общественную нагрузку по обучению чтению малограмотных бойцов. А таких, почитай, больше полроты было. Но капитан Куницын, он... он не читал. То есть читал, но не как обычные люди. Он просто открывал книжку, окидывал взглядом разворот и тут же переворачивал страницу. Причем так он читал все – уставы, руководства по оружию, наставления, справочники по вооружению иностранных армий, журналы, художественные книги, газеты, сборники статей, даже «Краткий курс истории ВКП(б)». Старший сержант поначалу думал, что капитан просто пролистывает книжки, скажем, освежая в памяти уже когда-то прочитанное или, там, разыскивая нечто когда-то запомнившееся. Но нет, как показал один случай, капитан именно читал. И при этом умудрялся полностью запоминать все написанное. Именно полностью и все.

Это произошло вечером, часов в восемь. До шести часов комбат и остальные командиры находились при личном составе, организуя боевую учебу солдат и сержантов, а вот после шести капитан Куницын собирал весь командный состав в библиотеке школы, в которой разместились секретная часть штаба корпуса. И, получив под роспись служебную литературу, уставы и наставления, а также карты, занимался с командным составом батальона. Но при этом он еще и параллельно умудрялся читать. Все, что было в библиотеке. Даст задание на работу с картой или на изучение статьи устава либо наставления, и пока они это исполняют, подтянет к себе книжку или журнал, а то и просто газету – и ну листать... то есть читать. Вот на одно из таких занятий и занесло начальника политотдела корпуса. Он зашел, махнул рукой, разрешая продолжить занятия, и присел в сторонке. А комбат как раз дал им очередное задание и, пока они над ним корпели, принялся «листать» «Краткий курс истории ВКП(б)». Начпо посмотрел-посмотрел, а потом встал и разразился длинной речью насчет того, что эту книгу надо читать вдумчиво и внимательно. Изучать. Выписывать. Капитан Куницын некоторое время молча слушал наставления начальника политотдела корпуса, но потом, похоже, ему надоела непроизводительная

потеря времени (ибо все присутствующие, вместо того, чтобы выполнять заданное, вынуждены были поднять глаза на напчо и внимательно слушать его речь). Комбат молча поднялся и протянул начальнику политотдела томик «Краткого курса».

– Проверьте.

– Что?

– С любой главы, с любой строчки, – пояснил комбат. Начальник политотдела окинул капитана недоверчивым взглядом.

– То есть вы хотите сказать...

– Проверьте, – настойчиво повторил капитан.

Напчо нахмурился и решительным жестом раскрыл томик где-то в середине.

– Ну-у-у, например, глава седьмая, часть вторая...

– Часть вторая. Начало кризиса Временного правительства. Апрельская конференция большевистской партии, – негромким размеренным голосом начал капитан Куницын. – В то время как большевики готовились к дальнейшему развертыванию революции, Временное правительство продолжало творить свое противонародное дело. Восемнадцатого апреля министр иностранных дел Временного правительства Милюков заявил союзникам о «всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы и намерении Временного правительства вполне соблюдать обязательства, принятые по отношению к нашим союзникам».

Таким образом, Временное правительство клялось в верности царским договорам и обещало пролить еще столько народной крови, сколько потребуется империалистам для достижения «победного конца».

Девятнадцатого апреля это заявление («нота Милюкова») стало известно рабочим и солдатам. Двадцатого апреля Центральный Комитет партии большевиков призвал массы к протесту против империалистической политики

Временного правительства. Двадцатого-двадцать первого апреля (третьего-четвертого мая) тысяча девятьсот семнадцатого года рабочие и солдатские массы, в количестве не менее ста тысяч человек, охваченные чувством возмущения против «ноты Милюкова», вышли на демонстрацию... Достаточно или продолжать? – поинтересовался комбат, заметив, что начпо просто впал в транс.

– И-и-и... ты-ы, м-м-м... вы всю эту книгу можете так процитировать, капитан? – сглотнув, уточнил начальник политотдела корпуса.

– Да. И еще любую из этих, – и комбат широким жестом обвел помещение школьной библиотеки, заставленное как полками с книгами, так и брезентовыми мешками с документами секретной части корпуса. – То есть, конечно, из тех, которые я уже прочитал. Но таких здесь большинство.

– Н-да-а-а, – протянул начальник политотдела и, качая головой, вышел из библиотеки. Комбат проводил его взглядом, а затем повернулся к ним, его командирам, которые ошалело уставились на своего комбата, и, усмехнувшись, произнес:

– Ну чего подвисли? Работать, работать, времени у нас – шиш да ни шиша, а изучить надо много. А то какие из вас будут командиры?..

Или, например, тот факт, что их сводный батальон не только не расформировали, но даже одобрили все назначения, которые капитан Куницын сделал еще там, за линией фронта. Его, сержанта, оставили в должности командира роты. Только повысили в звании на ступень. Ну, где это видано? А все потому, что капитан Куницын отрезал: «Этот человек подготовлен мной и именно для этой должности».

И ведь никто ни слова против не сказал. А с тем энкавэдэшником как все получилось? Ведь Головатюк уже сам уверился, что всё – впереди трибунал и штрафная рота. Если не расстрел. Ан вон как оно повернулось. Трибунал-то трибунал – но не для них, а для капитана госбезопасности[6 - Народный комиссариат государственной безопасности впервые был создан в феврале 1941 года и просуществовал всего несколько месяцев, до июля того же 1941. И до нового воссоздания НКГБ в апреле 1943 года Управление государственной безопасности являлось подразделением НКВД. Поэтому слово «госбезопасность»

в 1941 уже появилось, но сотрудников этого комиссариата часто продолжали именовать энкавэдэшниками.] Бушманова. А старший лейтенант Коломиец в дела батальона особенно не лез. Нет, побеседовать с ним Головатюку все равно пришлось. Как и всем остальным. Но в отличие от беседы с Бушмановым, во время которой капитан госбезопасности все время требовал от Головатюка сведений о «предательской деятельности капитана Куницына» и не только угрожал всяческими карами, но и пару раз съездил в рожу, старший лейтенант во время беседы был совершенно корректен и не особенно въедлив. Да и сама беседа не затянулась...

Головатюк скосил глаза и бросил взгляд на все еще темную опушку. Старший лейтенант Коломиец, о котором он только что вспоминал, в настоящий момент находился где-то там. Уже когда батальон выдвинулся из Масенево в сторону болота, старший лейтенант нагнал батальон на грузовике. Причем не один. Вместе с ним из грузовика ловко выпрыгнули четыре бойца, одетые в предмет жгучей зависти всего батальона – зеленые маскхалаты. Такие пока были только и исключительно у бойцов, приданных старшему лейтенанту госбезопасности на время его прикомандирования к корпусному управлению. Даже корпусная разведка щеголяла в обычных галифе и гимнастерках. Головатюк в тот момент слегка напрягся. А ну как именно сейчас этот старший лейтенант вздумает вменить что-то комбату? И попытается его арестовать. И что тогда – стрелять?! Ну... для себя Головатюк решил, что он сам будет стрелять. Если понадобится. Командир никого из них не сдал, даже выступил против, считай, всесильного капитана государственной безопасности. Так что это будет только возвращением долгов. Да и лишаться такого командира перед самым рейдом... ты пойди кого лучше поищи. Другие-то разные тучу народа положили – а толку чуть. И соотношение потерь не в их пользу, и позиции не удержали. А вот их комбат... Но все обошлось. Коломиец вполне себе вежливо попросил разрешения присоединиться к батальону. А на вопрос комбата: «И зачем вы мне такие красивые там, за линией фронта нужны?» – столь же вежливо пояснил, что среди его подчиненных имеется радист, оснащенный экспериментальной коротковолновой радиостанцией, способной поддерживать связь с нашими штабами на расстоянии до четырехсот километров. А остальные имеют вполне подходящие специальности саперов-подрывников и снайперов-разведчиков, так что в рейде обузой точно не будут. И вот что интересно, Головатюк сразу понял, что эти пятеро увязались за их батальоном совершенно не для того, чтобы там немцев покрошить или еще как помочь батальону. Нет, их во всем батальоне интересовал только один человек – капитан Куницын. И старший сержант был совершенно уверен, что понял это не только он один. Но сам комбат даже и ухом не повел. Только еле заметно усмехнулся и кивнул, коротко бросив: «Добро?».

Нет, их командир – точно пришелец с Солнца...

Впрочем, спокойно проштурмовать немцев и отбомбиться нашим не дали. Уже минут через десять после начала налета над передним краем разгорелся воздушный бой, который, в отличие от боя наземного, с болота был отлично виден. Но долго понаблюдать за круговертью в небе не получилось, потому что надо было как можно быстрее преодолеть открытый участок болота, до которого они в тот момент как раз и добрались.

Само болото на всех картах, как советских, так и немецких, было обозначено как непроходимое, так что никаких секретов или патрулей здесь они не обнаружили. Впрочем, местные проводники говорили, что обычно болото действительно непроходимое, просто лето нынче такое сухое и жаркое[7 - По оценкам историков, одной из причин (хоть и не самой важной) столь стремительного наступления немецких войск летом 1941 было то, что оно выдалось именно очень сухим и жарким. Вследствие чего многие местности, ранее считавшиеся непроходимыми для танков и автотранспорта, в это лето оказались вполне проходимыми. А это, в свою очередь, предоставило немцам, обладающим и большим опытом наступления, и многочисленными моторизованными подразделениями разведки, заметно большие возможности для маневра и обходов советских войск.]. Потому-то безумная идея их командира и получила шанс на осуществление. А в обычное-то лето... И потому тонкая колонна батальона осторожно хлюпала через болото по колено (а где и по пояс) в топкой грязи. Осторожно, но довольно быстро, потому что хоть грязи и хватало, но все же большую часть времени проводники вели их по не слишком топким в настоящее время местам. Правда, несколько раз приходилось падать в грязь, скрываясь от пролетавших самолетов. Впрочем, похоже, ни одного разведчика среди них не было. Скорее всего, это были «подранки», вывалившиеся из круговерти воздушного боя над передним краем и ползущие на свои аэродромы. Из-за этого пилоты были больше заняты «борьбой» со своими так и норовящими грохнуть машинами, чем рассматриванием окружающей местности. В итоге до противоположного края болота батальон сумел добраться без приключений. Хотя когда они выбрались-таки на твердую землю, видок у всех был...

Однако рассусоливать времени не было. Комбат тут же отрядил три разведгруппы, которые, наскоро сполоснувшись в застоялой болотной водичке, переоделись в заранее приготовленное сухое обмундирование, переобули

сапоги и споро ускакали вперед по заранее, еще на том берегу, определенным маршрутам. Остальным, у которых второго комплекта обмундирования не было (ибо большая часть наличных килограммов той самой «полной выкладки» была занята боеприпасами и продовольствием), дали полтора часа на приведение себя в порядок и чистку оружия, которое за время путешествия через болото так же было перепачкано в грязи донельзя. Прополоскав и выжав отстиранную форму, бойцы натянули ее на себя, дабы поскорее высушить теплом своего тела, и принялись приводить в порядок оружие. А комбат собрал командиров.

– Значит, так. Первый этап рейда прошел нормально. Мы прошли через линию фронта и вышли в тыл немцам в районе предполагаемой наименьшей плотности их дислокации. Здесь у них не должно быть ничего, кроме разрозненных тыловых подразделений. Теперь нам нужна развединформация. Я выслал разведгруппы к Ньюшино, Подгати и Залесью. Думаю, хотя бы в одной из этих глухих деревенок будет расквартировано какое-нибудь тыловое подразделение. А может, и во всех трех. Если так – выбираем самое малочисленное. Остальные пока не трогаем, – капитан сделал паузу и окинул взглядом сидевших перед ним командиров. Все молчали. Даже старший лейтенант Коломиец. И комбат спокойно закончил: – Разведгруппы вернутся часа через четыре. К этому моменту все подразделения должны быть полностью готовы к выдвигению. Вопросы?..

Немцы оказались в Подгати и Залесье. В первой – мотоциклисты, как видно, ожидающие, пока первый эшелон наступающих войск прорвет оборону этих славянских недочеловеков, глупо противящихся неизбежному – неременной и скорой победе немецкого оружия и торжеству истинного сверхчеловека высшей, германско-арийской расы. После чего наступит их час – рвануть впереди танков и мотопехоты по этим ужасным, но, благодаря сухому лету, вполне проходимым дорогам, сбивая слабые заслоны и обходя сильные, захватывая подготовленные или еще подготавливаемые к взрыву мосты и выводя ходко идущие вслед за ними колонны танков и мотопехоты по рокадным дорогам во фланг и тыл обороняющимся русским. А вот в Залесье устроились ремонтники. И командир принял решение брать именно их. Но не сразу, а ночью, перед рассветом.

– Нам, товарищи командиры, нужны сутки на планирование и организацию, – пояснил он свое решение. – Надо понять, где мы сможем пополнить продовольствие, куда и как ударить. Надо подготовиться, приготовить немцам парочку сюрпризов, типа тех же бутылок с зажигательной смесью, рассчитать, с

какой стороны произвести налет, куда отходить и как сделать так, чтобы оторваться от немцев.

– Сутки? – удивленно покачал головой Иванюшин. – Кто ж нам их даст?

– Сами возьмем, – усмехнулся командир. – Не беспокойся, политрук – сутки у нас будут. Если сможем взять немца тихо. В ножи.

И вот сейчас они и собирались взять немца. Тихо. В ножи...

Часовой поежился, поправил на плече карабин и, как-то уныло-тоскливо сгорбившись, двинулся по деревенской улице. Головатюк проводил его настороженным взглядом и уставился в темноту. Разведчики, которые должны были разобраться с часовым, скорее всего уже выдвинулись к крайним избам деревеньки. Слава богу, местных собак немцы, похоже, всех постреляли, чтобы те не крутились у них под ногами, когда солдаты забирали свои законные «млеко, сало, яйца». Так что поднять тревогу теперь было практически некому. Вследствие чего жить этому часовому остались считанные минуты... После чего боевые группы роты Головатюка должны были рассыпаться по всей деревне и взять большинство немцев, в настоящий момент крепко спящих после ударного труда на благо третьего рейха, в ножи. Иванюшинская же рота, на случай подхода к противнику подкрепления, перекрыла единственную дорогу. Впрочем, при таком соотношении сил, иванюшинские бы только мешались – его роты хватит с лихвой. Тем более что одну избу, которую определили, как место дислокации командования ремонтного подразделения, брали на себя разведчики, которых комбат натаскивал лично. Командира роты и, возможно, парочку унтеров или фельдфебелей, планировали взять живьем. При проведении рекогносцировки разведчики обнаружили полевой телефонный кабель, вследствие чего комбат решил, что кроме языка им нужны еще и люди, которые будут отвечать по телефону. Так что количество объектов атаки для роты уменьшилось еще на один... И, кстати, часового что-то уже не видно. А ведь должен бы уже вернуться обратно к автомастерской. Сняли уже, что ли?

Головатюк вытянул шею, вглядываясь в начавший светлеть сумрак. Да, сняли... Вон ноги торчат из-за колеса. А спустя еще десяток секунд вдоль по улице метнулись серые тени...

К крайней избе Головатюк подбежал к тому моменту, когда там уже все кончилось. В сенях его встретил младший сержант Танечкин, командир первого отделения второго взвода.

- Как дела?

- Все сделали, товарищ ротный, - тихо отрапортовал младший сержант. Головатюк прислушался.

- А это кто там?

- Дык новенький. Пополнение, - сообщил отделенный, и пояснил: - Блюет.

Старший сержант слегка скривился:

- А чего в избе-то?

- Ну... - Танечкин слегка смутился, - чтоб на улице не шуметь. Мало ли...

В этом была своя правда, поэтому ротный молча кивнул и выскочил на улицу.

На улице было тихо. Это означало, что им удалось-таки взять немчуру без шума, что, несмотря на всю их подготовку и боевой опыт в подобных операциях, было отнюдь не гарантировано. Всегда существует вероятность в самый неподходящий момент нарваться на кого-то поднявшегося по нужде или там хлебнуть водички, либо просто страдающего бессонницей. Но, похоже, обошлось. Головатюк еще секунд пять настороженно прислушивался, но никаких посторонних звуков слышно не было - так, легкий топот, приглушенный матерок, стук калитки... И старший сержант облегченно выдохнул.

Единственный выживший немец обнаружился в том доме, который должны были брать разведчики. Он сидел за столом, сверкая огромным, в пол-лица, фингалом, и, испуганно пялясь на комбата, что-то торопливо блял на немецком. Головатюк окинул цепким взглядом горницу, заметив темную лужу под подоконником, на котором стоял немецкий полевой телефон, щербинки на косяке, осколки глиняной посуды на полу, похоже, наскоро отодвинутые в сторону ногой, и едва заметно скривился. Да уж, похоже, разведчики, несмотря на всю их подготовку,

все-таки слегка облажались. Иначе почему пленный только один?

Прямо напротив беспрерывно бормочущего немца над столом, на котором была разложена карта-склейка, склонился комбат, время от времени изредка бросая даже не говорливому фельдфебелю, а как бы в пространство, редкие уточняющие вопросы и попутно что-то помечая на карте. А у дальнего конца стола, в углу, почти скрытый тенями, молча сидел старший лейтенант Коломиец.

Что там интересного немец рассказывал, Головатюк не знал, потому как немецким языком не владел. Пока. Но изучать его он уже начал, так как комбат не так давно сказал, что знание языка своего врага дает больше возможностей ему противодействовать. После этого Головатюк отыскал в школьной библиотеке русско-немецкий словарь и начал учить из него слова. Потихоньку. По десять слов в день. Сначала по алфавиту, а потом, когда капитан застал его за этим занятием и кое-что посоветовал, уже по-другому – так, как ему посоветовал комбат. То есть выписав пять сотен наиболее нужных ему для общения с пленными немцами (а с какими еще ему придется разговаривать-то?) русских слов, и теперь заучивая их перевод на немецкий. Пока получалось заучить не очень много, но старший сержант старался.

Коломиец быстро доложил результаты боя за свою роту и вышел из избы. Комбату явно было не до него, а все приказы насчет того, чем и как надо было сейчас заняться, уже были отданы. И, поскольку операцию удалось осуществить, как и планировалось, – тихо и не встревожив немцев, – никакой корректировки они не требовали.

Следующие два часа были заполнены всяческой суетой. Сначала собрали все, нашедшиеся не только у немцев, но и вообще в деревне, стеклянные бутылки и начали заполнять их слитым с немецких грузовиков бензином. Комбат придавал зажигательным снарядам в предстоящей операции очень большое значение, потому в первую голову озаботились именно этим. Параллельно начали заниматься и трофеями. Все имеющееся оружие и боеприпасы (которых оказалось не то чтобы и много – все ж таки ремонтники, а не боевое подразделение) были собраны и увязаны во вьюки. Их потом планировалось отнести подальше в лес и устроить схрон. Кто его знает, как оно дальше повернется. А ну как пригодится... им самим, если они вдруг будут возвращаться через эту местность (хотя это, вроде как, не планировалось), или там местным. Партизанский отряд, скажем, организовать... Шанцевый инструмент был роздан местным с советом пока припрятать подальше. Ремни, сапоги, чистое нательное

белье, хранившееся в одном из грузовиков, фляги, ножи и штык-ножи, часы, бинокли и все подобное снаряжение было собрано, посчитано и распределено среди личного состава. Грузовики же и остальное имущество немецкой ремонтной роты, оприходовать которое не представлялось возможным, начали готовить к уничтожению. Как и все найденное в них оборудование и инструмент, за исключением ручного, который также передали местным все с тем же советом... Для чего в лес было отправлено два взвода, с задачей заготовить необходимое количество дров, которыми потом должны были обложить грузовики и поджечь. Кроме того, была проведена ревизия всех имеющихся у немцев запасов продуктов. Немецкие сухие пайки тут же раскидали по «сидорам»[8 - «Сидор» - жаргонное название армейского вещмешка.], а все скоропортящиеся продукты пустили в общий котел.

Через два часа, выпотрошив фельдфебеля и определившись с целями, комбат вызвал командиров рот и поставил задачу на ближайшую ночь. В каждой роте было приказано сформировать по восемь диверсионных групп, которым предстояло отработать по выявленным в процессе допроса пленного тыловым объектам наступающей немецкой группировки. Наиболее важными из них комбат считал железнодорожную станцию, на которой торчал целый эшелон с боеприпасами для стрелкового оружия, танковых орудий и артиллерии, а также полевой топливный склад, который немцы разместили на территории бывшей районной МТС.

- Если сможем уничтожить даже эти два объекта - очень сильно немцев притормозим, - сказал комбат. - А уж если и большую часть остальных...

И Головатюк был с ним полностью согласен. Оставить двинувшиеся в наступление войска без горючего и боеприпасов... м-м-м, лакомая добыча. Впрочем, ни одной ротной диверсионной группы на эти объекты назначено не было. По станции должны были работать минометчики, прикрытые которых осуществляла половина разведвзвода, а на топливный склад командир нацелился сам, со второй половиной разведчиков. Ну, да и охрана на этих двух объектах, судя по тому, что рассказал фельдфебель, должна была быть довольно серьезной - не меньше роты на каждом, а на станции еще и батарея зениток. Остальные же объекты атаки представляли из себя куда менее защищенные цели - в основном тыловые и транспортные подразделения, полевые склады и тех же ремонтников. Так что диверсионные группы, вооруженные только стрелковым оружием, гранатами и десятками готовящихся сейчас бутылок с зажигательной смесью, должны были справиться с ними без

особенных потерь, даже без поддержки такого мощного оружия, как минометы... или лично капитан Куницын.

К некоторому разочарованию Головатюка в этом перечне не оказалось ни одного штаба или боевого подразделения. Но чем вызвана такая несправедливость, он интересоваться не стал. Командиру виднее.

Около десяти часов утра зазвонил полевой телефон, установленный в той избе, в которой квартировало начальство немецких ремонтников. Головатюк как раз только прибыл на доклад по сформированным диверсионным группам. Сидевший рядом с телефоном фельдфебель вздрогнул и испуганно уставился на сидевшего за тем же столом, на углу которого сейчас был установлен убранный с подоконника полевой телефон, капитана Куницына. Тот кивнул на аппарат:

- Bitte sch?n[9 - Пожалуйста. (Нем.).].

Фельдфебель сглотнул и осторожно снял трубку.

- Ja?[10 - Да? (Нем.)]

Из короткого разговора выяснилось, что руководство отдало приказ подготовить ремонтно-эвакуационную команду. В подразделениях первого эшелона серьезные потери боевой техники, так что как только удастся оттеснить обороняющихся унтерменшей, следует срочно приступить к эвакуации и скорейшему восстановлению подбитой техники. Фельдфебель ответил, что приказ принят к исполнению.

- Ну что ж, - задумчиво произнес комбат. - Минимум час-два у нас есть. А если наши продержатся подольше - то и поболее. Как там с обедом?

- Старшина говорит, минут через двадцать будет готов.

- Отлично. Тогда передай Иванюшину - кормите людей и укладывайте спать. Всех, кто не задействован в подготовке. И задействованных тоже - по мере того, как будут освобождаться. Вечер и ночь у нас планируются очень напряженными... да и не только они. Вполне возможно в ближайшую пару суток

всем нам придется хорошо побегать и почти не спать.

Следующий звонок с ценными указаниями от немецкого командования раздался около двух часов дня. Командир как раз успел переговорить с местными, которых немцы на время своего пребывания в деревне выселили из изб в хлева и сараи, и уточнить как сведения, полученные допросом пленного фельдфебеля, так и то, чего он знать не мог – то есть состояние дорог, проходимость леса в районах расположения атакуемых объектов, пути подходов и так далее. Потом собрал командиров для постановки задачи, так что свидетелями этого разговора оказались все командиры.

Фельдфебель, несколько успокоившийся вследствие того, что его тоже покормили (ну не будут же тратить еду на того, кого собираются убить?), ринулся к трубке с таким рвением, что даже уронил ее на пол. После чего испуганно уставился на комбата как кролик на удава. Но капитан только махнул рукой, мол, не нервничай, делай порученное тебе дело хорошо – и все будет нормально. Немец облегченно выдохнул и поднес трубку к уху, после чего около минуты выслушивал то, что ему вещали. Динамик у немецкого телефона был отличным, куда лучше советского УНА-Ф-31[11 - УНА-Ф-31 – полевой телефонный аппарат. Принят на вооружение РККА в 1931 году.], так что речь немецкого начальства была слышна.

Когда монолог начальства был, наконец, закончен, фельдфебель коротко пролаял в трубку:

– Ja, ja, nat?rlich, herr kapitan![12 - Да, да, конечно, господин капитан! (Нем.)]

После чего аккуратно положил ее на аппарат и уставился на капитана испуганным взглядом. Комбат на мгновение задумался, а затем протянул руку и... резким движением оторвал провода от телефона. После чего снова сфокусировал взгляд на сидевших вокруг стола командирах подразделений и пояснил:

– Начальство нашего фельдфебеля требует выслать ремонтно-эвакуационную группу с двумя тягачами. Похоже, наши немчуру хорошо проредили, но все-таки и нас сумели оттеснить с занимаемых позиций, – капитан на пару мгновений задумался, а затем хлопнул ладонью по столу. – Что ж, первый этап будем

считать законченным. Теперь надо ждать связистов и... разъяренного начальника, прибывшего выяснять, почему затребованная им эвакуационная команда так и не выдвинулась. Но я думаю, часа два у нас есть. А если сможем аккуратно перехватить связистов и прибывшего разбираться начальника – то и все четыре, – капитан Куницын сделал паузу, а потом улыбнулся. – Ну а нам больше и не нужно. Так, Головатюк!

– Я! – старший сержант едва не вскочил, вытягиваясь в струнку, но сумел удержаться и отреагировать, как положено ротному. То есть солидно.

– Твои люди сейчас в дозорах?

– Так точно! Два часа назад сменили первую роту.

– Проинструктируй их, чтобы смотрели в оба, но прибывшее начальство не трогали. Будем готовить ему встречу здесь, в деревне. Канареев!

– Я! – тут же отозвался командир разведвзвода.

– А ты вышли группу навстречу немецким связистам. Пусть прогуляются вдоль телефонного кабеля. Но недалеко. Как присмотрят местечко для засады – пусть замаскируются и подождут там. Если получится – захвати кого-нибудь для допроса. Но не рискуй. Если будут хоть какие-то сомнения в том, что сможете сделать захват тихо – просто валите всех. Сейчас намного важнее, чтобы как можно дольше все оставалось спокойно, нежели еще один язык. Понял?

– Так точно!

– И не забудь выслать пару бойцов – перекрыть немцам направление отхода. А то отойдет кто из связистов за пару минут до схватки отлить в сторонку, а ты его и упустишь.

– Обижаете, товарищ капитан... – протянул Канареев.

– Ну, смотри у меня... – капитан задумался, а потом снова повернулся к ротному-два. – У тебя кто командир первой группы? Потапов?

– Так точно!

Комбат задумчиво кивнул, похоже, не столько старшему сержанту, сколько своим мыслям.

– У тебя же одна группа в резерве?

– Так точно! – вновь повторил ротный-два.

– Передашь ей объект Потапова. А его группу оставим здесь. В засаде. Если начальство задержится и не появится до нашего отхода, они должны будут его принять по-тихому и обеспечить нам еще кое-какой временной запас. Чем позже немцы узнают, что у них в тылу появились мы, тем легче нам будет этой ночью. Так что пусть готовится. Потапова – ко мне, проинструктирую лично. Остальным – начало выдвижения через три часа. Подъем – через два. Перед выдвижением будет еще один прием пищи, а то когда в следующий раз удастся покормить людей горячим – один бог ведает. По поставленным задачам вопросы есть?

В ответ все отрицательно загомонили.

– Ну что ж, хорошо. Доведите приказ на операцию до подчиненных. И еще раз подчеркну – пусть командиры групп очень внимательно спланируют отход. Уничтожить объект – только полдела. Даже отойти от него без потерь – только три четверти. Нам нужно, чтобы после этого немцы еще и искали бы нас там, где нас на самом деле не будет. Вот тогда можно считать, что мы выполнили все наши задачи на сто процентов. Тем более что шанс у нас на это есть. И большой. Не думаю, что немцы сегодня имеют здесь, в прифронтовой полосе, специально обученные подразделения, предназначенные для поиска и задержания диверсантов. А вот через пару дней я уже не буду в этом уверен. Так что нам надо выжать максимум возможного из имеющегося у нас в данный момент временного преимущества... Ладно, свободны.

Группу из трех человек, выдвинутую для восстановления связи, разведчики приняли тихо. В итоге через два с половиной часа после последнего состоявшегося сеанса телефонной связи на лавке в штабной избе вместе с фельдфебелем-ремонтником был усажен еще и унтер-связист. Остальных разведчики в плен не брали. Новых данных связист практически не сообщил,

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%BE%D0%B1> военного назначения, выпускавшийся с 1939 по 1945 год.] с гауптманом, в сопровождении двух мотоциклов с коляской, похоже, приданных гауптману на случай неких непредвиденных обстоятельств, въехал в деревню, в ней ничего не показывало присутствия русских солдат. А вот признаков присутствия немецких было хоть отбавляй. Причем, все они были вполне себе безмятежными – на натянутой веревке было развешано на сушку десяток нижних рубаш и четыре мундира, на дальней околице два человека, по пояс голых, но в немецких галифе и сапогах, рубили дрова и укладывали поленницу, а в распахнутых воротах одного из дворов носом на улицу стоял «Бюссинг-НАГ», занимая весь проем ворот. Водителя в кабине грузовика не было, но со двора слышался какой-то звон железа по железу и рев фельдфебеля, на чем свет стоит костерившего каких-то «безруких идиотов».

Гауптман, вылезший из кабины остановившегося «кюбельвагена», услышав эти перлы, зло сплюнул и решительным шагом двинулся к полуоткрытой калитке. А немцы на мотоциклах, до того настороженно зыркавшие по сторонам, облегченно расслабились и обменялись понимающими улыбками. Похоже, ничего серьезного, что предполагало начальство, из-за чего их экипажи оторвали от подготовки к выдвигению и отправили на сопровождение этого капитана, здесь не произошло. А вот эти толстожопые ремонтники явно нарвались на нехилую разборку. Один из пулеметчиков откинулся назад, выудил из кармана брюк пачку сигарет и что-то проорал двум «дровосекам»... А в следующее мгновение со стороны приоткрытых ставень той самой избы, возле которой они остановились, послышалось приглушенное: «Сз-тынс...» – и практически сразу же еще несколько: «Сз-тынс, сз-тынс, сз-тынс-с-с...»

Когда Головатюк, бросив самострел со спущенной тетивой, выскочил на улицу, все уже было кончено. Все четверо мотоциклистов, получив по болту, изготовленному из заточенного шомпола трехлинейки еще к моменту их первого нападения на концлагерь (ой как давно это было), были быстро добиты ножами бойцами группы Потапова. Гауптмана приняли еще раньше, сразу после того, как он вошел в калитку. Старший сержант облегченно выдохнул и утер пот.

– Ну что ж, Головатюк, – удовлетворенно произнес комбат, отчего-то оказавшийся за калиткой, в которую вошел гауптман, а не на выгоне, где его последний раз видел ротный. – Похоже, ты подарил себе и нам еще не меньше пары часов. А вот потом – жди гостей. Не думаю, что они еще раз полезут столь незначительными силами в «черную дыру», где тихо и бесследно исчезают их

связисты, ремонтники, офицеры и – он окинул взглядом пару оставшихся без седоков мотоциклов – мотоциклисты. Так что мишеней для стрельбы у вас будет предостаточно. Но ты не увлекайся, постреляй – и ходу. У нас еще очень много дел, – он покосился на гауптмана и закончил: – Впрочем, я у тебя тоже еще немножко задержусь, поговорю с господином гапутманом. Может, что интересное расскажет. А ты... знаешь, что – отгоняй «Бюссинг» и «кюбельваген» с мотоциклами к остальным машинам и зажигай их. А то кто знает, может, немцы и быстрее появятся. А нашему костерку время нужно, чтобы разгореться как следует. Чтоб уж точно все собранное не смогли реанимировать никакими ремонтами – только в переплавку...

3

Полевой топливный склад охранялся из рук вон плохо, причем не только по гвардейским, но и по местным немецким меркам. Впрочем, этому было некоторое объяснение. Во-первых, даже сейчас, в три часа ночи, склад работал. У дальнего штабеля бочек[14 - В отличие от РККА в вермахте практически не использовались автомобили-цистерны, а топливо перевозилось в бочках и канистрах.] в настоящий момент загружалось четыре грузовика. Место погрузки было освещено двумя автомобильными фарами, запитанными от установленной на деревянные плахи под легким брезентовым навесом парочки аккумуляторов. Но даже относительную тишину это не обеспечивало, потому что света фар все равно не хватало, и загружаемые автомобили подсвечивали рабочую область еще и своими фарами. А чтобы не посадить и так уже изрядно изношенные аккумуляторы (а какими они еще могли быть у уже почти два года воюющей армии), водители не глушили моторы. Короче – сплошное нарушение техники безопасности, так сказать... Свою лепту в звуковую маскировку нашего скрытного перемещения вносили также переругивание грузчиков, вкатывающих бочки в кузова грузовиков, скрип досок и глухое буханье самих бочек. Вследствие этого двое часовых и парный патруль, ходивший вокруг легкого забора из кольев и натянутой на них колючей проволоки, являющегося единственным ограждением этого склада, оказались практически глухими и слепыми. Во всяком случае, против моих бойцов... Ну, мне хотелось так думать. А как оно на самом деле – как раз сейчас и будем проверять.

Во-вторых, и рота охраны, как выяснилось из допроса гауптмана, так же оказалось совсем не штатным охранным подразделением с соответствующим

образом подготовленным личным составом, а просто маршевой ротой, придержанной здесь на время, пока все находящееся на этом полевом складе топливо не будет выдано в наступающие подразделения и части. Что, по прикидкам вышестоящих штабов, должно было произойти где-то на седьмой-девятый день наступления. После чего этот склад, по планам, должен был начать использоваться как транзитный лагерь военнопленных. А что – место освободится, колючка уже натянута, да и охрана на месте. Нет, роты для этого, конечно, уже будет многовато, но рота-то ведь маршевая. Так что большая часть личного состава будет отправлена на пополнение понесших потери боевых подразделений, а остаток в пару отделений задержится до того момента, пока сюда не перебросят охранное подразделение, hiwi[15 - Hiwi или Hilfswilliger (желающий помочь) – так называемые «добровольные помощники» вермахта (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%85%D1%82>) набравшиеся (в том числе, мобилизовавшиеся (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7> принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>) и советских военнопленных (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA> Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями, санитарями, саперами, поварами, охранниками и т. п. Позже «хиви» стали привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, операциях (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8> против партизан и к карательным акциям.], или просто не отберут охранников из присланного сюда же переменного контингента – то есть военнопленных[16 - Вполне себе распространенная практика для 1941 года, опробованная немцами задолго до нападения на СССР в других странах и отлично зарекомендовавшая себя.].

Я убрал бинокль и осторожно соскользнул с ветки вниз по стволу. Итак, что мы имеем? На стороне немцев более сотни человек личного состава, вооруженных легким стрелковым оружием и, возможно, гранатами. Почему «возможно»? Так это маршевики, вряд ли им уже выдали гранаты. Да и вообще, использовать гранаты рядом с таким складом это... ну, как минимум, неразумно. Так что гранат у них, скорее всего, нет, но исходить придется из того, что они все-таки могут быть. Из этой сотни сейчас бодрствует максимум десятеро – двое часовых, парный патруль и человек шесть в бодрствующей смене караула. Ежели она есть, конечно... Плюс еще человек восемь-двенадцать копошатся у грузовиков на загрузке. Эти – непредвиденные, но как боевая сила не слишком опасны. А вот как лишние глаза, способные, пусть даже случайно, заметить что-то

непривычное и поднять тревогу, могут помешать. Так что план придется слегка скорректировать, ибо терять время нельзя. Если ребята на станции (которая тут не слишком далеко) прошумят первыми, спящая сотня стволов явно перейдет в состояние неспящей, что может поставить крест на всех наших планах – в открытую бодаться с таким количеством стволов сил у нас явно маловато. Шестнадцать человек личного состава (считая нас с Кабаном), четыре пулемета (один из которых мой), семь ППД, пять СВТ, двадцать пять гранат, сорок бутылок с бензином. Всё? Нет. Еще – мозги. И это наше самое главное оружие.

– Значит, так, – начал я, отползя в кусты к остальным, на постановку боевой задачи. – Я и рядовые Шабарин, Логвинов и Ойунский тихо проникаем на территорию склада и начинаем дырявить бочки. Испортить нужно не менее десятка в каждом штабеле. Часовые в этом гаме и контрастном освещении не должны ничего увидеть, но всем приказываю – быть максимально осторожными. Остальные тихо окружают место расположения охраны и ждут. После того, как закончим с бочками, мы с Шабариным берем в ножи патруль и двигаем к часовым, а Логвинов и Ойунский занимают позиции у автомобилей и ждут начала заварушки. Если нам с Шабариным удастся так же тихо разобраться с часовыми – мы подтянемся к вам, а нет – сразу после того, как поднимется тревога, начинайте работать по грузчикам и водителям. В случае чего используйте гранаты, но особенно не увлекайтесь: здесь может так полыхнуть, что сбежать не успеем. Да и гранаты нам еще понадобятся. Все понятно? – и я обвел взглядом сидящих передо мной четырнадцать человек. Пятнадцатый сейчас находился в секрете и охранял место нашей временной дислокации. Все молча кивнули. Я мысленно усмехнулся. Да, с момента начала операции в батальоне снова и, что очень радует, сам собой, то есть безо всяких дополнительных команд начался «режим тишины».

– Тогда... вы трое, разбирайте коловратки, что мы забрали в деревне – и вперед, за мной.

Идею коловраток мне подсказал Гарбуз. Еще в той деревне, в которой мы прищучили ремонтную роту. Вот так принес в горсти и сунул под нос:

– Ось, товаришу капитан, це гарна справа.

– Что это?

– Да тож коловратки. Вам же ж бочки дырывать надоть? Ось вони и подойдуть.

Я недоуменно взял в руку несколько странную конструкцию.

– Это для металла?

– Та ни, для дерева. Но для бочек – гарно будет. Там железо дюже мягкое. Они яго возьмут, и шуметь не придется.

В принципе, я мог бы пробить толстый металл бочки ножом или там гвоздем. Но это я. К тому же это действие совершенно точно будет слышно на достаточно большом расстоянии. А дырывать бочки выстрелами... пистолетные[17 - Пистолетные патроны кроме собственно пистолетов использовались еще и пистолетами-пулеметами – ППД, ППШ и т. д.] могут и не взять, а долго палить по бочкам из винтовок – времени может не быть. А так – продырывать по-тихому заранее полсотни бочек, дабы дать возможность натечь изрядно бензину, а потом добавить из винтовок и пулеметов, да забросать в конце получившуюся... даже не лужу, а целый пруд или озеро из горючего бутылками с зажигательной смесью – никакие пожарные не потушат. Так что эта идея старшины пришлась очень в тему. Я улыбнулся:

– Спасибо, старшина. За справу и, еще больше, за инициативу. Молодец!

– Та я шо, я ж нишо, – засмутился Гарбуз. – Разрешите идти?

С бочками я закончил минут через двадцать, по уши изгваздавшись в вытекающем бензине и все время ожидая, что в следующую секунду раздастся резкий окрик: «Halt!»[18 - Стой! (Нем.)] или просто выстрел. Нет, сам я вполне контролировал обстановку, но вот насколько с этим справлялись остальные? В принципе, увидев грузовики под погрузкой, я собирался дать отбой и заняться бочками в одиночку – уж слишком много направлений, откуда может произойти обнаружение, придется контролировать. Я-то точно справлюсь, а вот остальные...

Но ведь одной из главных моих задач – причем не только этой операции, а вообще всей моей деятельности в целом – была подготовка кадров. А как их

готовить, не давая им приобретать собственного, своей шкурой и нутром выстраданного опыта? Это же как с ребенком. До определенного момента ты многое делаешь за него: одеваешь, кормишь, подмываешь обкаканную попку, но чем больше он развивается, тем больше самостоятельности ему надо предоставлять. Иначе ребенок так и привыкнет к тому, что все за него делает кто-то другой – мама, папа, бабушка, няня, папин шофер или прикрепленный охранник. Ну и как он в этом случае сам сможет стать отцом, матерью, да хотя бы просто востребованным в своей области профессионалом? Какие бы деньги ты в него ни вкладывал, и какие бы возможности ты ему не предоставлял. Поэтому я решил потрепать себе нервы и дать возможность еще нескольким наиболее подходящим для запланированных действий бойцам моей команды проявить себя и получить ценный боевой опыт. Тем более что продолжающаяся на складе погрузка создавала трудности не только нам, но и самим немцам...

Но все прошло в целом удачно, хотя большую часть этой удачи я отнес бы к совершенно безалаберному несению службы караулом, а не к безупречным действиям моих ребят. Как минимум три раза их должны были бы обнаружить. Но – обошлось. Однако патруль я решил принять один. Ну его к черту – и так уже за сегодняшнюю ночь с запасом выбрали лимит удачи. Так что когда Кабан добрался до меня и обнаружил, что все уже закончено и для него работы не осталось, он обиженно скривился. Я в ответ зашипел рассерженной змеей:

– Я тебя, Шабарин, еще и на «губу» посажу по возвращении. Тебе сколько бочек было сказано продырявить? А ты сколько сделал? Лихость свою показать решил, бестолочь?! Зачем в крайний ряд залез? Тебя как минимум дважды заметить должны были.

– Ну, так не заметили же, – шепотом огрызнулся Кабан.

– Да, но твоей заслуги в этом никакой. А вот моя – есть. Если бы я тогда около патруля камень не кинул, ты и сам бы вляпался, и нам обедню испортил. Все, кончилось мое терпение. На три операции отстраняю тебя от боевых действий.

– Товарищ капитан! – едва не в голос вскричал Кабан, но тут же хлопнул себя по губам и продолжил снова шепотом: – Ну, вот истинный крест – больше не повторится. Ей-богу! Только не отстраняйте. На отдыхе – на все согласен. И на «губу», и наряды сколько хотите. Только дайте мне эту немчуру к ногтю прижать.

Я скривился и так же тихо прошипел:

– Ладно, посмотрим. Если сумеешь вон того часового тихо и незаметно, как ты говоришь, к ногтю прижать – подумаю, может, и как-то поменяю наказание. Но смотри, запрешь – даже не подходи. Все понял?

– Так точно, – кивнул Кабан и ловкой змейкой скользнул в траву. Я же двинулся ко второму часовому.

Но реабилитироваться, хотя бы частично, Кабану так и не удалось, хотя и не по своей вине. Я еще только достал нож и, перехватив его для броска, примерялся к уныло торчащему у дальнего штабеля часовому, когда с той стороны, где загружались грузовики, раздалась длинная очередь из ППД. Мой часовой дернулся и потянул с плеча ремень карабина.

«Швис-с!» – в правой глазнице часового возникло новое модное украшение в виде рукоятки ножа, после чего он мешком опрокинулся на спину. Но я уже развернулся спиной к нему и вскинул свой верный ДП.

«Дах!». Одиночный выстрел – и занявший позицию за колесом грузовика немец-водитель, старательно выцеливавший кого-то из моих парней, медленно сползает по колесу, выронив из внезапно ослабевших рук свой карабин Маузера. Я окинул быстрым взглядом диспозицию в районе погрузки. Похоже, больше моей помощи не требовалось. Ойунский и Логвинов короткими очередями добивали уже почти не сопротивлявшихся немцев. Я развернулся в сторону второго часового. Оного уже не наблюдалось, а Кабан волчьим стелющимся шагом неся в сторону палаток охраны. Вот шельмец – тоже увидел, что парням у грузовиков помощи не требуется, и тут же рванул туда, где еще есть возможность получить немного адреналина. Ну а я туда не пойду. Мне и отсюда все хорошо видно...

«Да-дах!» – короткая очередь опрокидывает парочку немцев, выскочивших из палатки. Хоть там вокруг стволов и достаточно, но эти выбрались из крайней палатки и сразу же рванули к оврагу. Пригнувшись. Так что кто его знает, успели бы мои бойцы их заметить и снять, или немцам удалось бы уйти. Ребята-то видят в темноте куда хуже меня.

«Да-дах! Да-да-дах! Да-дах! Да-да-дах!» – короткими, экономными очередями я подавлял малейшие организованные очаги сопротивления проснувшейся охраны. Несмотря на внезапность нападения, малочисленность нападавших сыграла свою негативную роль. Если бы мои ребята орудовали тут сами по себе – вполне вероятно, их бы задавили числом. Но в моем присутствии шансов у немцев не было. Так что уже минут через десять с не то что организованным, но и вообще любым сопротивлением было полностью покончено. Хотя я сильно сомневался, что мы уничтожили всех. Скорее всего, большинство как раз были не убиты, а ранены и просто затихарились. Но это вполне отвечало моим планам.

Нет, будь здесь матерые ветераны, я бы потратил время, чтобы прикончить всех – не хрен оставлять врагу шанс вылечить и поставить в строй подготовленных и опытных бойцов. Но эти... Маршевое пополнение – это еще не бойцы, а заготовки под них, при этом обихаживать их будут так же, как и полноценных солдат. То есть имеющиеся в распоряжении противника мощности медицинского обеспечения будут загружены оказанием помощи этим воякам. Вследствие чего, возможно, раненые солдаты подразделений первой линии, которые куда более опытные, обучены и опасны, получают менее качественное и своевременное обслуживание. Что должно привести к заметно большим санитарным потерям в их рядах. Так что на круг большее количество раненых, а не убитых, в текущей ситуации будет нам в целом более выгодным, чем полное уничтожение. Да и время тоже начинает поджимать. Ночью звуки разносятся далеко, так что нашу перестрелку явно кто-то услышал. Очень вероятно, этот «кто-то» сейчас направляется сюда, чтобы оказать помощь подвергнувшимся внезапной ночной атаке дружественным подразделениям. А нам на них отвлекаться не с руки, у нас совершенно другие задачи, выполнить которые исчезнувшая как организованная единица рота охраны нам помешать не в состоянии. И как-то угрожать нам при отходе она тоже не могла, а уж тем более – организовать преследование. Чего нам вполне достаточно.

Так что я развернулся к складу и дал по штабелям бочек несколько длинных очередей, добивая магазин и еще больше дырявя бочки. После чего развернулся к подбежавшему ко мне запыхавшемуся Кабану, который приволок мне мой старый добрый «сидор». В моем батальоне каждый, от рядового бойца до комбата, нес свою долю груза, в который, кроме личных вещей, продуктов, личного носимого боекомплекта, запасного исподнего и пары запасных портянок, входил еще либо цинк патронов к СВТ и пулеметам или к пистолетам и ППД, либо лоток с тремя минами к минометам калибра восемьдесят два миллиметра. А после сегодняшней дневки в деревне – еще и по четыре бутылки с зажигательной смесью. Впрочем, после сегодняшней операции

дополнительный груз должен изрядно полегчать – расход боеприпасов будет заметный, а уж про мины и говорить нечего: где-то треть лотков с ними уволокла на себе та группа, которая должна была работать по станции. Вследствие чего она оказалась навьючена так, что ушла на задание с минимумом другого боезапаса и практически не взяв с собой продуктов. Ну да ладно, от того, что денек-другой до момента выхода к точке randevу парни поголодают, ничего страшного не случится. Зато все четыре ствола нашего минометного взвода вследствие этого были обеспечены в сегодняшней операции вполне приличным боезапасом. И шансы на то, что хоть какая-то из полутора сотен, которые должны были изрыгнуть из себя наши минометы, сумеет запустить на станции процесс детонации скопившихся там боеприпасов, были весьма велики. Но станция была на данный момент для меня не актуальна. В отличие от склада.

– Бутылки приготовил?

– Так точно, товарищ капитан. Четыре штуки.

– Ну, думаю, достаточно, – усмехнулся я, поймав себя на мысли, что как раз здесь-то сами бутылки с их содержимым были особенно и не нужны – горючей жидкости более чем достаточно. А вот их фитили, пусть и примитивные, сделанные из смоченных бензином тряпок, как раз будут в тему... Вот и еще один мой стереотип мышления вылез. Сам-то я привык к чему-то вроде универсального запала, который никак не разбирался, а просто выставлялся на необходимую температуру либо длительность возгорания, которые находились в обратной зависимости друг от друга. То есть температуру горения в пятьсот градусов запал мог обеспечивать на протяжении шести минут, а вот три с половиной тысячи – всего двадцать секунд... Но переигрывать было поздно.

– Дай-ка сюда.

– Да я сам, товарищ капитан, – возбужденно блестя глазами, отозвался Кабан.

– Дай, я сказал. Ты – наказан. Тем более в бензине весь, сразу вспыхнешь.

– А вы-то что, нет, что ли? – обиженно протянул Кабан. – Тоже эвон как бензином несет, так что так же очень просто полыхнуть мо...

– Я – не вспыхну, – оборвал я его, начав нравоучение. – Я, в отличие от некоторых, умею действовать четко и аккуратно... – но тут с противоположной стороны склада вспыхнуло несколько огоньков, которые почти сразу полетели в сторону штабелей с бочками. И я тут же заткнулся и занялся делом.

Полыхнуло знатно. Буквально через пару секунд огонь уже распространился почти по всему пространству склада. Похоже, бензина из продырявленных нами бочек натекло вполне достаточно, чтобы отдельные лужи соединились между собой, сразу же переводя пожар из статуса разгорающегося в статус жарко горящего. Так что идея с заранее продырявленными бочками блестяще подтвердила свою целесообразность. А это означало, что оставшиеся бутылки можно и сэкономить. Швырнув всего парочку, я сунул остальные Кабану и принялся торопливо завязывать свой «сидор». Надо было быстро линять из окрестностей склада. В обмундировании, так сильно пропитавшемся бензином, находиться рядом с разгоравшимся складом становилось опасно даже для меня. В таком море огня целые бочки скоро начнут взрываться, и появится вполне реальная опасность поймать горящие брызги. А ведь кроме меня таких же «чистых» здесь еще трое.

Дождавшись, когда Кабан засунет неиспользованные бутылки обратно в свой вещмешок, я свистом подал сигнал на отход, после чего мотнул напарнику головой, приглашая, так сказать, пристраиваться в кильватер. Что ж, свою задачу мы выполнили на «отлично». Интересно, как там дела у остальных?

Первый ответ на этот вопрос я получил еще даже не отойдя от склада на более-менее приличное расстояние. И был он вполне положительным. На юго-западе, за лесом, в той стороне, в которой располагалась железнодорожная станция, слышались взрывы. Почти сразу же они зачастили, начали сливаться, а спустя несколько минут небо вообще разорвал яркий всполох, на фоне которого на мгновение высветились верхушки деревьев. «Не меньше двух десятых килотонны», – на ходу прикинул я и довольно улыбнулся. Именно для чего-то подобного в качестве основного оружия для атаки на станцию и решено было использовать минометы.

В принципе, БМ-37[19 - БМ-37 – батальонный миномет калибра 82 мм, образца 1937 года.] имели максимальную дальность стрельбы чуть более трех километров. Но вести огонь на максимальной дальности, даже по такой большой цели, как станция, ночью было не очень разумно – слишком большой разброс, а корректировка сильно затруднена. Так что при планировании операции огневые

позиции решили расположить не далее километра от станционных путей со скопившимися на них эшелонами. Тем более что по сведениям, полученным от местных жителей, с одной стороны станции планируемую огневую позицию должен был прикрывать овраг. Не слишком глубокий, не слишком широкий, но ночью он становился весьма серьезным препятствием. То есть даже если немцы сразу после начала обстрела сумеют мгновенно среагировать и попытаются атаковать, быстро приблизиться к позициям минометчиков у них не получится. А вот группа прикрытия минометов, расположившись за оврагом, наоборот, получит заметное преимущество.

Вторая позиция была похуже, но ненамного. Оврага там не имелось, зато между станцией и планируемой под огневую позицию полянкой имелась полоса густого кустарника, который вполне должен был справиться с задачей замедления вражеской атаки. Тем более что подступы как к оврагу, так и к кустарнику планировалось заминировать. Нет, мин у нас не было, но даже примитивные растяжки с РГД-33 ночью – очень эффективное оружие.

Впрочем, если моим ребятам удастся тихо развернуться на запланированных позициях, как бы быстро немцы ни отреагировали, сам обстрел они предотвратить не смогут. Ибо, даже с учетом пристрелки, принесенную на горбу сотню с лишним мин четыре миномета выпустят за три-четыре минуты[20 - Максимальная скорострельность БМ-37 составляла до тридцати выстрелов в минуту.]. Но вот последующий уход... Миномет просто так под мышку не подхватишь. Прежде чем уходить, его надо перевести из боевого в походное положение, а это значит отделить сошки, ствол, опорную плиту, собрать их во вьюки... короче, возни достаточно. Даже днем. А уж ночью... Так что группа была заинструктирована донельзя насчет того, что сначала – оборудование позиций прикрытия, а уж только потом – огневой налет. И сейчас мне оставалось надеяться, что этот инструктаж был выполнен в точности.

Но, как бы там ни было, целая череда взрывов показала, что как минимум боевую задачу группа, отправленная на станцию, выполнила. А значит, мое обещание комкору можно считать исполненным. Без горючего и боеприпасов особенно не повоюешь, а те, что находятся при себе у бойцов или в боеукладке боевых машин – это на один хороший или парочку так себе боев. Так что, учитывая вчерашние бои, которые сами немцы оценивают как тяжелые, у существенной части наступающих войск первого эшелона боезапас и горючее уже исчерпаны. Вследствие чего командованию придется либо каким-то образом организовывать перераспределение оставшихся на руках и в органах текущего

снабжения подразделений и частей первого эшелона остатков боекомплекта, дабы возместить использованный боезапас подразделениям, уже втянутым в боестолкновение, либо... ну не знаю, произвести замену исчерпавших запас подразделений на те, у которых они еще имеются[21 - Главный герой служил в войсках, устроенных на совершенно других принципах, поэтому, несмотря на то, что он изучил достаточно много руководящих документов, он пока не знает, что носимый (возимый) боекомплект и штатный боекомплект на подразделение/часть/соединение – две большие разницы. Так что в тыловых запасах полка и дивизии, как правило, хранится дополнительный боекомплект ко всем видам оружия, состоящим на вооружении полка и дивизии. Вследствие этого немедленные проблемы с боекомплектом и топливом немцам пока не грозят. Но вот чуть позже...]. А эти части, скорее всего, были предназначены для развития наступления...

Да и вообще, любые нарушения установленного порядка снабжения приводят к тому, что начинается неразбериха, нарушение планов и, как следствие, падение темпов наступления. Ну а дальше... Я усмехнулся.

Головатюк вот обижался, что мы на этот раз не собирались прищучить ни одного немецкого штаба. Но для атаки на штаб нам требовалось, во-первых, собрать в кулак весь батальон и, во-вторых, совершить марш к месту дислокации штаба по местности, скорее всего, наиболее плотно заполненной войсками. И сама атака не факт, что будет такой уж эффективной: опять же вследствие того, что в текущих условиях сосредоточенности сил для наступления рядом со штабом совершенно точно будет располагаться чертова туча других подразделений. Причем в существенной части боевых, из-за чего мы будем иметь в своем распоряжении крайне ограниченное время для атаки. Так что далеко не факт, что нам удастся уничтожить достаточно штабных, чтобы так уж сильно парализовать работу штаба. Средства связи – да, обслуживающий персонал – да, много, на какое-то время нарушить работу – без сомнения, а вот начальствующий состав и ключевых офицеров – только при очень большой удаче. Иначе – зажмут и уничтожат уже нас. А этого я не собирался допускать ни при каких обстоятельствах. Не по рангу размен... Нет, уничтожение нескольких десятков квалифицированных офицеров и талантливых командиров с опытом двух лет войны – очень болезненный удар. Но мои ребята для меня куда дороже десятка немецких генералов и сотни старших офицеров. И не мой эгоизм или личные привязанности тому виной. Нет. Я собирался использовать эту войну как... тренинг, как инструмент для формирования новой элиты, способной как выиграть эту войну с наилучшим результатом, так и потом войти в элиту Империи. Поэтому для меня каждый человек, прошедший мою подготовку, был

просто на вес золота...

Тем более что работая по выбранным целям, представлявшим из себя тыловые, ремонтные и вспомогательные подразделения, мы достигали ничуть не меньшего эффекта, чем уничтожив штабы. А вот потери должны были понести куда меньшие, поскольку все объекты наших атак располагались в стороне от стянутых к магистральным дорогам войск (чтобы тыловики не мешались под ногами бравым бойцам, готовым броситься в прорыв). А это не только уменьшало опасность того, что на помощь атакованным быстро выдвинутся подкрепления, но и давало возможность даже в случае каких-то косяков или неприятных неожиданностей все равно уничтожить атакуемые объекты и уйти, почти не подвергаясь опасности получить на хвост настырных преследователей или быть перехваченными мгновенно выставленными заслонами.

Нет, полностью исключать подобного было нельзя. Война – есть война, и неприятные и смертельно опасные неожиданности здесь скорее правило, чем исключение. Но вероятность подобного при атаке избранных мною объектов была мною оценена как минимально возможная в данной ситуации. А там уж как бог даст... А вот временно?й эффект же от их уничтожения должен был оказаться ничуть не меньшим, чем при уничтожении штаба, и... куда большим, чем если бы мы выбили столько же людей и техники в боевых подразделениях. Вот такой вот парадокс моторизованной армии, построенной на имеющихся в распоряжении данной цивилизации технологиях...

Судите сами – при текущем уровне развития техники, как боевая, так и транспортная техника требует регулярного обслуживания. Как ежедневного, так и, скажем, еженедельного, хотя на данном уровне развития технологий второй уровень периодичности технического обслуживания больше связан не со временем, а с расходом моторесурса, пробегом и количеством выстрелов. Но при столь интенсивном использовании, каковому техника и оружие подвергаются во время войны, моторесурс и пробег исчерпываются очень быстро – в течение нескольких дней, недель и лишь в лучшем случае месяцев. А если учесть два года войны, которые были за плечами наступающей армии, да последние два месяца почти непрерывных, причем наступательных, боев, слово «обслуживание» можно вполне заменить на «ремонт». Регулярный и неременный. А кто, как и чем будет делать эти ремонт и обслуживание, если ремонтные подразделения уничтожены, ремонтная техника, станочный парк и инструмент приведены в негодность, а необходимые масла, смазки и запасные части – сгорели? Вот то-то и оно. Я предполагаю, что очень скоро у немцев (ну,

хотя бы на нашем участке фронта) появятся проблемы даже с доставкой пищи наступающим частям и подразделениям, не говоря уж обо всем остальном.

- Стой, пароль?

- Семь, - тихо отозвался я.

- Четыре, - облегченно выдохнул командир отделения разведчиков. - Товарищ капитан, все на месте.

- Потери?

- Двое раненых. Но оба легко. В руку, но кость не задета, и в плечо, тоже навывлет. Уже перевязали. Так что подразделение полностью готово к выдвигению.

Я молча кивнул, а потом, спохватившись, что этот жест в темноте могли не заметить, озвучил вслух:

- Отлично, - после чего приказал: - Командуй выдвигение. Я - в головной дозор.

Нам в эту ночь предстояло потрогать немцев за задницу еще в одном месте. Как, впрочем, и большинству остальных диверсионных групп. Я твердо намерен был выполнить обещание, которое дал комкору. Даже если мои расчеты по тому, как подействует на немецкие планы потеря столь большого количества боеприпасов и топлива, окажутся не совсем верны. Что было вполне вероятно, ибо подробные текущие штаты немецких подразделений и частей мне пока на глаза так и не попадались. Все сведения по данному вопросу, которые оказались в секретной библиотеке, относились самое позднее к 1940 году. Сейчас же шел уже 1941-й. А год для непрерывно воюющей армии - это ох как много... Да и те сведения, которые имелись, так же были крайне неполны, и ограничивались только общей структурой и сводной таблицей с общим числом вооружения и техники на полк и дивизию. Их внутреннее распределение по боевым и тыловым подразделениям, как и планируемое предназначение и задачи, оставались областью домыслов. Так что я решил подстраховаться и уменьшить давление на наши войска еще и тем, что заставлю немцев отвлечь заметную часть предназначенных для наступления войск на нашу поимку и охрану своих тылов и штабов. Поэтому чем большую панику мы им этой ночью устроим, тем легче будет нашим парням

завтра отбиваться.

– Товарищ капитан, а может я Ойунского в дозор выделяю? – робко предложил отделенный. – Он же таежный охотник, и вполне...

– Не спорь, сержант, – мягко прервал я его. Вторая цель нашего налета располагалась на расстоянии девяти километров от весело полыхающего топливного склада, и я определил ее нашей группе, имея в виду, что сам поведу ее через ночной лес. Ибо никто другой обеспечить требуемую скорость передвижения просто не смог бы. Даже якут Ойунский, несмотря на весь его охотничий опыт.

– Двинули.

К следующему объекту мы вышли уже перед самым рассветом. По пути у нас был только один получасовой привал у лесного ручья, который я объявил не столько даже для того, чтобы дать людям отдохнуть и перекусить, сколько чтобы предоставить нам четверым, которые втихую дырявили бочки на складе, возможность простирнуть наше обмундирование, дабы хотя бы немного избавиться от бензиновой вони. Ну... немного и удалось. Как выяснилось, местный бензин мылом особенно не отстирывается. Да и дальнейший путь в мокром обмундировании комфортным тоже не назовешь... Но справились. Хотя к объекту атаки группа вышла изрядно заморенной, так что я дал людям отдохнуть, а сам двинулся на рекогносцировку.

На этот раз объект атаки был вполне себе боевым – батарея тяжелых гаубиц sFH 18 калибра сто пятьдесят миллиметров. По местным меркам очень мощное средство усиления дивизионного уровня.

В принципе, изначально я атаковать такие цели не планировал – и численность, как правило, великовата и расположение тоже не ахти. Тем более что изначально в той точке, в которую мы сейчас пришли, дислоцировался целый дивизион. А такого «кита» следовало бы «есть» не менее чем ротой, а то и всем батальоном. Ну, если не хочется нести заметные потери. А мне как раз не хотелось... Да и вообще, группы, атаковавшие два основных объекта, должны были отработать только по ним. А потом – уходить в район сосредоточения. Однако тот тыловик-гауптман, которого мы захватили в последний момент в Залесье, среди всего прочего сообщил, что большая часть дивизиона была днем

передислоцирована ближе к фронту, а на месте осталась только одна тяжелая батарея. Причем главным, что привлекло к ней мое внимание, оказалось как раз место дислокации. Очень интересно эта батарея была дислоцирована, очень...

Согласно сведениям, почерпнутым мной из секретной библиотеки штаба корпуса, состоящие на вооружении тяжелого артиллерийского полка пехотной дивизии вермахта гаубицы sFH 18 имели максимальную дальность стрельбы чуть более тринадцати километров, угол горизонтального наведения в пределах двадцати восьми градусов влево-вправо, боевую скорострельность подготовленным расчетом в четыре выстрела в минуту и очень приличный радиус сплошного поражения осколочной гранатой.

Так вот, судя по тому, что мне сообщала уточненная после рассказа гауптмана обстановка на карте, в двух, трех с половиной и шести километрах от этой батареи в сторону линии фронта располагались два штаба дивизий и автоколонна снабжения. Причем все они располагались в секторе, полностью перекрываемом теми самыми пятьюдесятью шестью градусами горизонтального наведения... Нет, там было и множество других целей, хотя и менее «вкусных», но тоже очень заманчивых, однако я, с сожалением, решил выбрать из всех возможных только три эти цели. Ибо «переедание» в данном случае грозило нам большими проблемами. А вот правильно спланированная «диета», наоборот, обещала хороший шанс порадоваться. Тем более что располагалась батарея немного в отдалении, и ближайšie к ней подразделения дислоцировались в нескольких километрах от нее и так же были тыловыми. Так что, с учетом всех косяков и недостатков, которые могут вылезти (учитывая планирование операции, так сказать, на живую нитку), после первого выстрела по немецким объектам нам можно было рассчитывать на час, а при удаче даже на полтора часа «веселья». А за это время мы вполне успели бы «обработать» три выбранных объекта. Особенно учитывая то, что при длительной стрельбе, даже если мы будем использовать немецкие, то есть подготовленные расчеты, скорострельность гаубиц вряд ли составит более одного выстрела в минуту... После чего более-менее безопасно отойти. А вот больше – вряд ли.

Кроме того, у меня была еще одна причина организовать налет на эту батарею. Она заключалась в том, что я продолжал потихоньку осваивать местное вооружение. И уже, теоретически, освоил артиллерию. Но именно теоретически. То есть я, изучив наставления и руководства, в общем и целом представлял, как навести орудие на цель прямой наводкой или как рассчитать буссоль, уровень и прицел, а также как работать с таблицами стрельбы и как выбирать заряд[22 -

При ведении огня из орудий, в основном предназначенных для ведения навесного огня, то есть гаубиц, мортир или минометов, используется несколько типов метательных зарядов, различающихся навесками пороха. Например, у вышеупомянутой sFH 18, таковых было восемь. При этом заряд № 1 обеспечивал начальную скорость снаряда в 210 м/с, что давало максимальную дальность полета снаряда всего в 4 км, но зато при максимальном возвышении ствола – очень крутую траекторию, позволяющую успешнее поражать цели в окопах, траншеях, щелях, за высокими вертикальными укрытиями и т. п., а заряд № 8 – 520 м/с и 13 325 м дальности.]. Но именно в общем и целом, то есть теоретически. Нет, и практически я кое-что тоже, так сказать, пощупал, наведавшись к корпусным артиллеристам, чьи позиции располагались в трех километрах от штаба корпуса. И артиллеристских баек и поучений тоже немало наслушался. Но именно пощупал и наслушался. Реально же ни одного выстрела из орудия мне пока сделать не удалось. А тут такой шанс...

Рекогносцировка показала, что личный состав батареи пока еще соизволяет мирно почивать в дюжине палаток и кузовах грузовиков и тягачей. Хотя кое-какое шевеление уже началось. Я некоторое время рассматривал потихоньку оживающий лагерь, попутно прикидывая, что и как делать, а потом хищно улыбнулся.

4

- Шагом!

Старший лейтенант Коломиец, последние полчаса просто тупо переставлявший ноги, вцепившись в ремень бегущего прямо перед ним старшины Николаева, выпустил ремень из почти сведенных судорогой пальцев и, разевая рот, будто выброшенная на берег рыба, хрипло, даже со всхлипом, втянул воздух в горящие легкие. Да-а-а, такого он никак не ожидал... Нет, Коломиец не только считал себя, но и реально был вполне подготовленным командиром. Особенно в физическом отношении. Майор Буббиков и отличал его в первую очередь именно за силу и статью. Вернее, не так, в первую очередь, скорее всего, за верность и преданность. Как делу партии и социалистического отечества, так и самому Буббикову. Ну а во вторую как раз за силу и статью. Но вот к таким нагрузкам старший лейтенант оказался совершенно не готов...

Микола Коломиец родился в Бессарабии, в селе Резены. В это село его семья переехала года за три до его рождения, из Деркачей, большого и богатого села, расположенного неподалеку от Харькова. Бывшей казацкой слободы. В чем состояли причины этого переезда, Микола не знал, но его отец всю свою сознательную жизнь отчего-то страшно ненавидел хохлов, казаков и евреев. Вот такая вот причудливая смесь...

До одиннадцати лет он рос во вполне себе обеспеченной, даже зажиточной семье. Благо отец его, призванный на фронт в пятнадцатом, на Германскую, и прошедший ее без единой царапины, успел поучаствовать еще и в Гражданской войне. Которую всю прошел сначала в отряде, потом в бригаде и дивизии своего земляка, бывшего бандитского атамана, а затем пламенного революционера и героя Гражданской войны Григория Ивановича Котовского. Именно земляка, поскольку от Резен до родного села Котовского – Ганчешты было всего около трех десятков верст.

Из-за того, что родные места после Гражданской оказались за границей, в Румынии, семья Коломийцев переехала под Николаев, в село Адамовка. Вследствие того, что о земляке похлопотал сам Григорий Иванович, местные власти отнеслись к переселенцам с уважением. Отец был избран в уездный совет, регулярно сидел в президиумах и являлся членом правления потребкооператива. Впрочем, вполне заслуженно, ибо на работу был яр и так же воспитал и троих сыновей. Вследствие чего его крестьянское хозяйство успешно росло и развивалось. К середине двадцатых в хозяйстве отца Миколы уже было пять лошадей, конные сеялка, жатка и грабли, четыре коровы, по паре десятков гусей и уток и полсотни кур.

Кроме того, отцу удалось перетянуть в Адамовку и старшего брата, который тоже вцепился в работу, как говорил дед – «як дите в мамкину титьку». Поэтому никого в селе не удивляло, что к двадцать шестому году братья выбились в местные богатеи. Кроме вполне богатых собственных крестьянских хозяйств они на паях владели маслобойкой и держали постоянный двор на окраине Николаева, в который, по большей части, и отправлялась продукция крестьянских хозяйств обоих родственников. Впрочем, если честно, не только их двоих, но цену братья за продукты давали честную. Поэтому хоть и завидовали им многие, но ненависти ни у кого не было. Все видели, что этот достаток братья подняли своим горбом... Ну дык для того ж и революцию делали, и Декрет о земле наша Советская власть принимала, чтобы упорные и работающие по своему разумению себе достаток, а то и богатую жизнь зарабатывали. Так что перспективы перед

братьями виделись просто отличными. Отец Миколы даже ездил в Одессу, присматривать место для нового постоянного двора...

Но тут грянула коллективизация.

Нет, героя-котовца никто не раскулачивал. Не успели. Отец Миколы всегда умел держать нос по ветру, а членство в уездном совете и правлении потребкооператива позволило вовремя получить информацию о грядущих переменах. Так что он лично привел на колхозную конюшню всех своих коней, а в колхозный коровник трех из четырех коров. Гусей, уток и кур в подавляющем большинстве наскоро забили и продали на рынке, оставив только три несушки. И все это под жуткий вой матери и яростную ругань деда, едва не повисшего на руках отца, когда он открывал конюшню.

- Не отдам! - орал дед. - Своими горбом все заработали! Нехай в твой колхоз Гнатюки идут! А нам и без яго хорошо.

Но, как позже выяснилось, это было очень правильное решение - конечно, не сохранившее прежний достаток, зато сохранившее свободу. Остальные же шесть зажиточных и более двух дюжин пусть и слегка более обеспеченных, но вполне себе середняцких семей, которые решили до конца отстаивать свое добро, все равно лишились его. Только вместе со свободой. В том числе и дядька Миколы, до конца отказывающийся вступать в колхоз и отдавать свою скотину и инвентарь «голи подзаборной, которая даже на лошадь себе не смогла заработать». Когда его, связанного и слегка избитого сажали на телегу, на которой уже было сложено три узла с вещами (все, что им разрешили забрать с собой по постановлению о выселении кулацкого элемента) и сидела его жена, тетка Дорна и трое двоюродных сестер Миколы, он зло бросил отцу:

- Ну и где твой Декрет о земле, брат? Да вы хуже царя! При нем хоть семью из дому не гнали!

- А ну молчать, кулацкая морда! - зло рявкнул командир комсомольского оперативного отряда, который и проводил выселение, и недобро покосился на стоящего рядом отца Миколы. Больше дядю Никола никогда не видел[23 - Согласно секретной справке, подготовленной в 1934 году оперативно-учетным отделом ОГПУ, около 90 тысяч кулаков (и приравненных к ним лиц) погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от недоедания и болезней в местах

ссылки.]...

После этого в отношении власти к отцу что-то серьезно поменялось. Впрочем, возможно дело было в том, что большинство тех, кто вместе с отцом был властью раньше, до этого парового катка, прокатившегося по деревне в связи с объявлением курса на сплошную коллективизацию – ныне уже властью не являлись. Кто был выселен как кулак или пособник, кто ушел сам, опасаясь за себя и своих детей, а кто просто бросил все и уехал из родных мест, не желая не то что участвовать, но даже видеть то, как новая власть, за которую они дрались на Гражданской войне, за которую умирали и убивали, показала им, крестьянам, кузькину мать, подло обманула их, отринув, как это четко сформулировал дядька Миколы, свой же собственный Декрет о земле, и снова принявшись силой – винтовкой и наганом – загонять крестьян в новые латифундии.

Неужто любая власть такова? И десяти лет не прошло, как свергли прошлую, лживую и плюющую на свой народ власть Временного правительства, которое сменило еще более отсталый и дремучий царизм, – и вот новая, вроде как вполне себе народная власть идет по той же кривой дорожке. Ведь понятно же, что все эти разговоры насчет того, что только сплошная коллективизация позволит использовать в деревне трактора и другую технику – полная глупость. Тот же «Фордзон-Путиловец», выпускаемый в бывшей столице, ныне переименованной в честь Ленина в Ленинград, ажно с 1923 года, вполне себе был бы к месту и в крестьянском хозяйстве отца Миколы. Отец даже ездил в этот самый Ленинград, к сослуживцам, прицениться и поискать, как бы можно приобрести столь полезную машину. Но – бесполезно. Частникам ее не продавали[24 - Применение тракторов и иной сельхозтехники в сельском хозяйстве действительно резко повышает производительность труда, но утверждение о том, что это возможно только в условиях крупного коллективного хозяйства – ложно. Все зависит от площади земли у частного и производительности конкретного образца сельхозтехники. Например, тот самый трактор «Фордзон», лицензию на который купили в 1923 году, был специально разработан для небольшого фермерского хозяйства. И в США он использовался именно мелкими и средними фермерами, поскольку был универсальной машиной. Более крупные хозяйства предпочитали специализированные машины. Кстати, по некоторым оценкам, одной из причин того, что купили лицензию именно на «Фордзон», было то, что в начале 1920-х годов никто не собирался отказываться от Декрета о земле, и планировалось и далее, наряду с кооперативным, развивать и индивидуальное крестьянское (фермерское) хозяйство, будучи уверенными в том, что «освобожденный из-под гнета помещиков сельский труженик» решит все проблемы. Впрочем, в какой-то мере

до 1930 года так оно и было. Проблемы были не в крестьянах, а в качестве управления...]. Как бы там ни было, с новыми руководителями отец общего языка не нашел. Хотя пытался. Но видеть то, как поставленный в председатели бывший харьковский рабочий-металлист Гнатюк, из двадцатипятидесятитысячников[25 - Двадцатипятидесятитысячники – рабочие крупных промышленных центров СССР (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>), которые во исполнение решения Коммунистической партии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8>) были направлены на хозяйственно-организационную работу в колхозы (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B7>) в начале 1930-х годов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/1930-%D0%B5>), в период коллективизации (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82>) сельского хозяйства. Более неподготовленных для сельского хозяйства людей и представить себе трудно. Это были люди чисто рабочих специальностей – ткачи, литейщики, кожевники, а большая часть двадцатипятидесятитысячников, около шестнадцати тысяч, состояли в союзе металлистов (http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7_%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D0%BA%D1%82)

С учетом полной неподготовленности этих людей в качестве руководителей и в области сельского хозяйства и агрономии, для первичной подготовки их к работе в деревне были созданы специальные курсы. И эти две-три недели были единственным образованием большинства этих людей в области сельхозпроизводства. Впрочем, некоторые из них смогли еще пару-тройку месяцев «постажироваться» в некоторых совхозах, но это было скорее исключением. Коллективизацию им провести удалось, но результатом хозяйствования подобных кадров стало катастрофическое падение валового сбора зерна. Так, в 1930 году (последнем, перед началом кампании сплошной коллективизации, развернувшейся после XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в июне 1930 года) валовый сбор зерна составил 83,5 млн тонн. А вот в 1931 – уже только 69,5 млн тонн, 1932 – 68,4 млн тонн, 1933 – 68,6 и так далее. И это несмотря на массовое поступление в колхозы техники, вызванное началом производства тракторов на Харьковском и Сталинградском тракторных заводах и производства зерноуборочных комбайнов на Запорожском заводе «Коммунар» (1930). Показатель 1930 года смогли превзойти только в 1937 году. Но результат оказался неустойчивым и следующие два года сборы снова оказались ниже 1930 года. Несмотря на то, что к 1937 году только в составе МТС уже имелось более 350 тыс. тракторов. То есть использование сельхозтехники при подобной организации труда, в отличие от мировой практики, привело не к повышению, а сначала к катастрофическому падению производительности труда, а потом лишь к восстановлению его уровня. Но сельским хозяйством дело не ограничилось.

Отвлечение на проведение коллективизации 27?519 квалифицированных рабочих и техников (а именно столько, по учетам, было двадцатипятитысячников), которые, к тому же, были наиболее мотивированны в политическом плане (а других отпралять проводить коллективизацию было просто бессмысленно), вызвало столь резкое падение качества продукции и производительности труда и в промышленности, что исправлять это пришлось чрезвычайными мерами.], рушит все, созданное его же собственными руками, отец просто не смог... Пусть даже все это уже было как бы не его, а колхозное. Но и сделать ничего тоже было невозможно. На все советы и предложения отца Гнатюк только багровел и рычал: «Заткнись, контра! Как я сказал – так и будет!». Главный же его благодетель, Григорий Иванович Котовский, к тому времени уже был мертв.

Вот поэтому отец и решил уехать из села. Слава богу его однополчане по-прежнему крепко держались друг за друга. Это показала судьба убийцы их комбрига[26 - Котовский был застрелен 6 августа (http://ru.wikipedia.org/wiki/6_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B4) года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1925_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) во время отдыха в совхозе Чебанка Мейером Зайдером (http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80,_%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%AF%D0%B4) по кличке Майорчик, бывшим в 1919 году (http://ru.wikipedia.org/wiki/1919_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) адъютантом Мишки Япончика (http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%AF%D0%B4) По другой версии, Зайдер не имел отношения к военной службе и не был адъютантом «криминального авторитета» Одессы, а был бывшим владельцем одесского публичного дома, где в 1918 году Котовский скрывался от полиции. Документы по делу об убийстве Котовского были засекречены. Мейер Зайдер не скрывался от следствия и сразу заявил о совершенном преступлении. В августе 1926 года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1926_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) убийца был приговорен к десяти годам заключения. Находясь в заключении, практически сразу же стал начальником тюремного клуба и получил право свободного выхода в город. В 1928 году (http://ru.wikipedia.org/wiki/1928_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) Зайдер был освобожден с формулировкой «За примерное поведение». Работал сцепщиком на железной дороге. Осенью 1930 года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1930_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) был убит тремя ветеранами дивизии Котовского. У исследователей есть основания полагать, что компетентные органы располагали информацией о готовившемся убийстве Зайдера. Тем более, что ликвидаторы Зайдера не были осуждены.]. Так что отец

сначала сам поехал в Ленинград, к своим сослуживцам, через которых ранее пытался приобрести трактор, а сейчас надеялся отыскать работу, ну а чуть позже и они все отправились вслед за ним...

– Стой! Привал, двадцать минут, – коротко скомандовал командир второй роты Иванюшин, с группой которого старший лейтенант Коломиец двигался в настоящий момент. Нет, сначала он попытался напроситься в группу, с которой двигался сам комбат, интересовавший и майора Буббикова, и самого старшего лейтенанта Коломийца, да и, судя по всему, много кого там, «наверху», но тот коротко ответил:

– Нет, – а потом пояснил: – Ты, Коломиец, просто темпа моего не выдержишь. Его и мои ребята далеко не все выдерживают. А уж ты-то...

Николай тогда слегка обиделся. Вернее, не так, обиделся-то он сильно, поскольку был совершенно уверен, что уж в чем-чем, а в физической подготовке он любому бойцу капитана сто очков вперед может дать. Но как-то демонстрировать свою обиду или спорить не стал. И не по каким-то особенным или оперативным соображениям, а потому что так получилось, что все, кто общался с капитаном Куницыным, через какое-то время полностью отучались с ним спорить. И незачем, и бесполезно. Даже если и настоишь на своем (а такое случалось, пару раз, не больше – но случалось), то потом только большим дураком себя выставишь. Поэтому старший лейтенант решил немного потерпеть и делом доказать комбату, что в этом вопросе он как раз ошибся. Ну, там, вечером, после марша, когда весь его батальон с ним во главе будет падать с ног, подойти эдак к комбату небрежной подходкой и лениво предложить:

– А давайте, товарищ капитан, пока ваши люди в себя приходят, я со своими орлами по округе пробежусь, ситуацию разведую, – ну или нечто наподобие...

Но сейчас, после ночного налета на автоколонну снабжения и последующего почти шестичасового изматывающего марша, старший лейтенант Коломиец ясно осознавал, что все эти прекрасные видения были всего лишь именно видениями, не имеющими никакого отношения к реальности. Да он еле смог добежать на своих ногах до этого привала! А ведь это еще не конец марша. Хотя, вероятно, его окончание уже близко. Два часа назад рассвело, так что двигаться столь же свободно, как под покровом ночи, у них уже вряд ли получится – авиаразведку никто не отменял. Да и народ явно сильно устал. Хоть и, по большей части, держится не в пример лучше старшего лейтенанта. Но и на него рожу никто не

кривит и свысока не смотрит. И не потому что боятся. Боялись бы – смотрели по-другому, со страхом или, там, показным безразличием, а не так, как сейчас – с сочувствием. А потому, что, похоже, сами прошли через нечто подобное. И, скорее всего, не так уж давно.

Впрочем, тяжело было не одному Коломийцу. Судя по запаренному виду, мордвороты старшины Николаева так же с трудом держали темп, заданный Иванюшиным. А несколько бойцов Иванюшина вообще еле переставляли ноги. Казалось, они вот-вот упадут и потом уже ни за что не встанут. Но таких было всего человека три, в то время как остальные отчего-то выглядели хоть и устало, но еще вполне себе в силах. А сам ротный-два, несмотря на всю свою внешнюю subtilность, заданный им дикий темп держал вполне спокойно. Умудряясь не только просто бежать гладким, так сказать, бегом, но еще и время от времени передвигаться вдоль их растянувшейся цепочки, то отставая, чтобы поравняться с тыловым дозором, то, прибавив скорости, догнать и подбодрить троих абсолютно выдохшихся бойцов, которых тянули на себе остальные, сменяя друг друга, или вернуться на свое место в голове их куцей колонны, сразу за головным дозором...

В Ленинграде, который все вокруг отчего-то продолжали именовать по-старорегимному – Питер, Микола обжился довольно быстро. Отец пристроил его в фабрично-заводское училище при заводе имени Карла Маркса, так же всеми вокруг называемого по-старорегимному – Новый Леснер, на котором работал и сам. В общем-то, переменам Микола, которого теперь все стали звать Николаем или Колей, скорее обрадовался, чем наоборот.

Да, жить стали куда беднее и скуднее, чем прежде. Если раньше, в Адамовке, ему каждый год справляли новую рубаху, то теперь пришлось несколько лет носить одну и ту же. Мать только надставляла рукава и вшивала клинья в бока, перекраивая рубаху под набиравшее силу и стать тело сына. Сапоги, раньше бывшие предметом гордости и зависти всех соседских мальчишек, большинству которых в их возрасте занять такую обувь и мечтать нельзя было, быстро стали малы и перешли по наследству младшим. А выкроить из скудной зарплаты рабочего деньги на новые сапоги – нечего было и думать. На еду бы хватило... Так что пришлось перейти на поношенные ботинки, купленные за гроши на барахолке.

Впрочем, и отцу, ранее так же регулярно обновлявшему свои яловые сапоги (обувку в сельской местности вполне себе дорогую и престижную) и вполне свободно позволявшему себе носить ее даже летом и в поле (где все – и дети, и взрослые, по обычаю работали босыми), пришлось долго обходиться теми сапогами, в которых он приехал в Питер. Под конец они изнасились настолько, что их уже даже не брался ремонтировать ни один сапожник. И отец выходил из положения, натянув на сапоги купленные там же, на барахолке, старые галоши. Те тоже были все потрескавшиеся, с полуоторванной подошвой и совершенно не держали воду, но с задачей прижимания почти отвалившейся подошвы сапог к потрескавшемуся оголовью вполне справлялись. Тем более, что отец примотал галоши к сапогам веревочкой. Впрочем, галош хватало ненадолго, и отцу приходилось раз в пару месяцев снова идти на барахолку за очередными...

Да и кормежка стала куда скудней. Сало покупали только по большим праздникам, хлеб ели серый, с отрубями, а яйца их семья, ранее державшая пять десятков собственных кур, видела теперь только по воскресеньям.

Но вся эта бедность меркла перед распахнувшимися перед ним, Миколой, тайнами и приключениями большого города. Для заводских он, неожиданно для себя, довольно быстро стал своим. Впрочем, возможно дело было в том, что таких «бывших деревенских» среди «фабзайцев»[27 - Жаргонное название учащихся ФЗУ – фабрично-заводских училищ.] оказалось довольно много.

Страна, сначала пережившая три года тяжелой, кровавой, но, все-таки, как уже к исходу третьего года стало ясно, вполне себе победной войны, а затем, без перерыва, неожиданно для себя ухнувшая в бездну революции и войны куда более жестокой, Гражданской, начала наконец-то выбираться из этой «черной дыры»[28 - К окончанию Гражданской войны промышленное производство на территории вскоре образованного СССР составляло только 14 % от уровня 1913 года, производство сельскохозяйственной продукции едва достигало 40 %. Если же учитывать, что в 1914–1916 годах был зарегистрирован 20 % рост промпроизводства, и именно в это время в стране было развернуто серийное производство авиадвигателей, почти полной номенклатуры инструмента и станков, началось производство подшипников, а к 1918 году должны были заработать шесть новых автомобильных заводов, а также несколько авиационных, то падение выглядит еще более катастрофическим.]. И даже собиралась резко ускориться, явно намереваясь догнать, а то и перегнать и ранее опережавших ее, а за время ее барахтанья в «черной дыре» социальных потрясений вообще убежавших невообразимо далеко вперед соседей. А для

этого нужны были новые кадры, которые пока еще только нарождающимся, но уже вполне ощутимым потоком потекли из ограбленной и насильно загоняемой в коллективизацию деревни...

А с другой стороны – куда было деваться? Более никаких источников дохода для ускоренной индустриализации (в которой, не будь этой десятилетней «черной дыры», возможно и необходимости бы не было, то есть именно в ускоренной... но которая в сложившихся условиях была единственно возможной), кроме как максимально ограбить деревню – у нового руководства страны просто не имелось. Ибо новой «народной» власти просто неоткуда было взять ни кредитов, ни займов, так уж она себя поставила в мире. Вот и пришлось очередной раз все делать за счет этого самого народа... То же, что множество ограбленных, лишенных нажитого, но чудом не попавших «под каток» крестьян рванет в город, где станет неиссякаемым источником кадров для бурно разрастающейся промышленности, оказалось очень даже удачным. Ибо в этом случае получалось, что власть одним действием решала сразу несколько задач. Впрочем, именно так и происходили все промышленные рывки во всех других странах – от Англии XVIII века до Китая конца XX. Какой бы «народной» эта власть себя не именovala. А уж если это приходилось делать в условиях промышленной разрухи после почти десятилетия войн...

Поэтому таких вот бывших крестьянских детей, вместе со своими отцами сбежавших из деревень, чтобы в больших городах попытаться, во-первых, спрятаться от неожиданно пришедшей беды и, во-вторых, найти новое место для себя и своей семьи, – оказалось множество. Так что в привычных уличных мордобоях конец на конец, улица на улицу и район на район они довольно быстро стали играть весьма влиятельную роль. Вследствие чего местные мальчишеские ватаги тут же столкнулись с дилеммой – либо признать вчерашних крестьян, поселившихся на их улице за своих, либо... регулярно получать по мордасам от ватаг с других улиц, в среде которых такое признание уже произошло, отчего они изрядно усилились.

Так что вращение в, так сказать, новую социальную среду у Миколы прошло почти безболезненно – пара драк, разбитая губа и, в общем, все. Тем более, что парнем он был видным, сильным, так что его кулаки для принявшей его ватаги «фабзайцев» с его улицы оказались очень даже неплохим подспорьем. Сам же Питер его просто очаровал. Всем. И природой – стылой Невой, белыми ночами, густыми, наполненными водой лесами, огромными гранитными валунами, выступавшими из зарослей будто уснувшие каменные великаны, решившие

немного передохнуть, – все это так сильно отличалось от привычного ему юга. И величественными домами – дворцами, соборами, да даже многоэтажной рабочей казармой, в которой их семье отвели угол, отгороженный натянутыми на веревки дерюгой и лоскутными одеялами. И бешеным (ну, по сравнению с их селом) ритмом жизни. И массой народа, которой были наполнены его улицы. И всеми теми признаками цивилизации и прогресса – машинами, трамваями, электрическим освещением, разводными мостами, которых он ранее в таком количестве нигде не встречал. Он просто влюбился в этот город...

– Ну как вы, товарищ старший лейтенант?

Коломиец ругнулся про себя, но когда повернулся к подошедшему Иванюшину, на его лице сверкала легкая улыбка.

– Нормально, ротный, – он хмыкнул, – идем быстро и, конечно, мне, кабинетному работнику, за вами тяжело угнаться. Но НКВД не подведет, можешь быть уверен.

– Да я и не сомневаюсь, – открыто улыбнулся Иванюшин. – К тому же нам уже не далеко осталось. Еще минут сорок – и доберемся до места дневки.

– А чего ж остановились? – удивился Николай. – Могли бы сразу до места добраться.

– Да новички сдохли, – досадливо сморщился ротный-два. – У них же подготовка нашей не чета. Я вообще опасаясь, что могут не дойти. Эх, их бы сейчас под акупунктуру – самое время...

Коломиец благожелательно-поощряюще улыбнулся, едва удержавшись от досадливой гримасы. Вот оно как... значит все те бойцы, которые едва смогли выдержать марш – из нового пополнения. А все ветераны батальона капитана Куницына с такой скоростью марша справляются вполне неплохо. Ничуть не хуже волкодавов старшины Николаева, и лучше, чем сам Николай. И это незнакомое слово... Впрочем, почему бы не спросить?

– Как вы сказали – акуп...

– Акупунктура, – повторил Иванюшин и пояснил: – Иглоукалывание то есть. Когда капитан Куницын в нас первый раз иглы вставлял – дюже жутко было. Зато потом – как заново родились. Все болячки разом прошли и будто сил прибавилось. И вообще... Я ведь раньше очки носил. А после этого – как рукой сняло. Уж не знаю, во что там товарищ капитан ту иглу воткнул, только глаза теперь – как новые. Я ведь сразу и не понял даже, – доверительно поделился ротный, – поутру очки на нос нацепил – а перед глазами все расплывается. Я их тер-тер тряпочкой, а потом гляжу – я без них куда лучше вижу, – и он весело рассмеялся.

– Вот так, сразу – раз и очки не нужны? – осторожно уточнил старший лейтенант. То, что капитан Куницын зачем-то прогнал весь личный состав своего батальона через странную процедуру с длинными деревянными спицами, которые ротный-два обозвал иглами, он установил уже давно. Но смысл этого мероприятия пока был для Коломийца до конца не ясен. Нет, все, кто ему об этом рассказывал, как один утверждали то же, что ему только что говорил ротный. В первой части своих утверждений. То есть «заново родились» и все такое. Кое-кто утверждал и нечто, подобное второй части заявления Иванюшина. Ну, типа «отдышку как рукой сняло», «печень болеть перестала». Но старший лейтенант подобные откровения воспринимал не очень серьезно. Мало ли что может показаться людям, прошедшим через разгром, скитания по лесам или, даже, плен, а потом попавшим в состав нормально функционирующего воинского подразделения... Но факт вот такого внезапного и резкого улучшения зрения игнорировать было нельзя. И Коломиец сделал себе в памяти зарубочку насчет того, чтобы, когда представится возможность, продиагностировать всех тех, к рассказам которых он ранее отнесся недостаточно серьезно. И сравнить с данными их медкнижек. Ну, тех, которые удастся разыскать...

– Да, сразу. То есть не совсем... – слегка смутился Иванюшин. – Нас же товарищ капитан вечером обработал. Причем после такого же лошадиного забега, как сегодня. Я почему и вспомнил... А что мне очки больше не нужны, я обнаружил утром. Так что, можно сказать – не совсем уж сразу, но очень быстро все случилось.

– И что – никаких отрицательных ощущений? – осторожно уточнил Коломиец.

– Не-а, только жрать хотелось сильно. Ну-у... сразу после обработки. Хотя и поутру тоже, – Иванюшин усмехнулся, но почти сразу же посуровел и, чуть повернув голову в сторону остальных, коротко бросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Так сказать – медицинский факт. Большинство выигравших в лотереи, так или иначе теряет свои деньги в течение первых трех-пяти лет. Несколько примеров:

Вивиан Николсон – одна из самых знаменитых победительниц лотереи, выигравшая в 1961 году 3 миллиона долларов (более 100 миллионов долларов в современных ценах). На вопрос журналистов: «А что вы будете делать с выигрышем?» заявила, что будет «тратить, тратить, тратить!». Потратила все деньги за 5 лет. За это время успела выйти замуж пять раз, окончательно овдоветь, пережить инсульт, стать алкоголичкой, вылечиться от алкогольной зависимости, попытаться два раза покончить жизнь самоубийством и провести некоторое время в дурдоме. Сейчас она пенсионерка без семьи и работы, которая живет на свою пенсию в 300 долларов.

Келли Роджерс. Эта девушка была самым счастливым подростком на планете. Она выиграла в лотерею 1,9 миллионов евро, когда ей было 16 лет. К 22 годам у нее в активе было 2 попытки самоубийства, 2 ребенка и работа горничной. Денег – нет.

Майкл Кэррол – 15 миллионов. Безработный 26-летний британец пошел в супермаркет, чтобы купить бутылочку пива, но «к сожалению» у него не хватило денег, и тогда он купил два лотерейных билета. Результат – развод с женой, игровая зависимость, беспорядочные связи, наркотики. Сегодня Майкл Керрол

работает мусорщиком и зарабатывает 5 долларов в час.

Уильям Пост живет на социальное пособие, несмотря на выигрыш в лотерею более 16 миллионов долларов.

Джеффри Дампайр, выигравший 20 миллионов в лотерею, был убит жадными родственниками.

Но, наверное, самым примечательным примером для живущих в России будет семья Мухаметзяновых из Уфы, выигравшая в 2001 году миллион долларов. Вдумайтесь – миллион долларов! В России! В 2001 году! Деньги кончились через год. Все. А через пять лет, в 2006 году, мать семейства похоронили по минимальному тарифу. Оградка – 1200 рублей, памятник – 800, а на фотографию на памятнике денег не хватило.

2

ДСП – для служебного пользования. Первый уровень закрытия информации. Следующим считалась секретная, затем совершенно секретная информация и последним, самым высоким – особой важности.

3

Поднять карту – нанести на карту обстановку: расположение своих подразделений и частей, войск противника, маршруты выдвижения, районы сосредоточения, обозначить проходимость дорог, допустимую нагрузку мостов и т. п.

4

Автор знает, что генерал-майор Еремин был ранен 22 июля, а 28 июля во время переправы через Сож – убит, но считает, что действия главного героя в тылу немцев, описанные в первой книге цикла, уже привели к некоторому изменению реальности. Например, разгром штаба 293-й пехотной дивизии явно должен был привести к хотя бы частичному сбою управления. Перебои с топливом, вызванные подрывом захваченных немцами топливных складов РККА, а также разгром маршевых подразделений, отправляющихся для пополнения передовых частей – слегка замедлить продвижение. Ненадолго – на несколько часов, возможно, на день-два. Но в этом случае наши вполне могли бы, например, успеть взорвать мост в Борисове. А это еще два-три, а то и больше дней задержки наступления. Да и вообще, в этом случае бои за Борисов вполне могли привести к тому, что, скажем, 18-я танковая дивизия вермахта, и в реальной истории потерявшая за время этих боев половину своих танков, к их исходу, могла бы стать полностью небоеспособной и была бы выведена на переформирование. А осуществленный бойцами батальона главного героя подрыв мостов через Березину еще больше сдвигает сроки начала Витебского сражения и дает нашим войскам больше времени на развертывание и оборудование позиций. Следствием чего (вкуче с отсутствием 18-й танковой дивизии и другими потерями) может стать, как минимум, не полностью удавшийся котел под Оршей и, как следствие этого, – совершенно другие результаты всего Смоленского сражения. То есть ситуация на фронте в реальности книги уже (хоть пока еще и не очень значительно) отличается от той, что была в исторической реальности и (авторской волей) генерал-майор Еремин на конец августа так же жив-здоров.

5

Истребители-бипланы разработки Поликарпова И-15-бис и И-153 к началу войны практически не были способны сражаться ни с одним немецким истребителем и догнать большую часть немецких бомбардировщиков, поэтому чаще всего использовались как штурмовики. И показали себя очень неплохо, так как имели в качестве вооружения четыре пулемета ПВ или ШКАС скорострельностью до 1800 выстрелов в минуту и могли нести до восьми РС-82 под крылом либо до 200 кг (и больше) бомб.

6

Народный комиссариат государственной безопасности впервые был создан в феврале 1941 года и просуществовал всего несколько месяцев, до июля того же 1941. И до нового воссоздания НКГБ в апреле 1943 года Управление государственной безопасности являлось подразделением НКВД. Поэтому слово «госбезопасность» в 1941 уже появилось, но сотрудников этого комиссариата часто продолжали именовать энкавэдэшниками.

7

По оценкам историков, одной из причин (хоть и не самой важной) столь стремительного наступления немецких войск летом 1941 было то, что оно выдалось именно очень сухим и жарким. Вследствие чего многие местности, ранее считавшиеся непроходимыми для танков и автотранспорта, в это лето оказались вполне проходимыми. А это, в свою очередь, предоставило немцам, обладающим и большим опытом наступления, и многочисленными моторизованными подразделениями разведки, заметно большие возможности для маневра и обходов советских войск.

8

«Сидор» – жаргонное название армейского вещмешка.

9

Пожалуйста. (Нем.).

15

Hiwi или Hilfswilliger (желающий помочь) – так называемые «добровольные помощники» вермахта

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%85%D1%82>)

набиравшиеся (в том числе, мобилизовавшиеся

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B7>

принудительно) из местного населения на оккупированных территориях СССР

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>) и советских

военнопленных

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA>

Первоначально они служили во вспомогательных частях водителями,

санитарами, саперами, поварами, охранниками и т. п. Позже «хиви» стали

привлекать к непосредственному участию в боевых действиях, операциях

(<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8>

против партизан и к карательным акциям.

16

Вполне себе распространенная практика для 1941 года, опробованная немцами задолго до нападения на СССР в других странах и отлично зарекомендовавшая себя.

17

Пистолетные патроны кроме собственно пистолетов использовались еще и пистолетами-пулеметами – ППД, ППШ и т. д.

18

Стой! (Нем.)

19

БМ-37 – батальонный миномет калибра 82 мм, образца 1937 года.

20

Максимальная скорострельность БМ-37 составляла до тридцати выстрелов в минуту.

21

Главный герой служил в войсках, устроенных на совершенно других принципах, поэтому, несмотря на то, что он изучил достаточно много руководящих документов, он пока не знает, что носимый (возимый) боекомплект и штатный боекомплект на подразделение/часть/соединение – две большие разницы. Так что в тыловых запасах полка и дивизии, как правило, хранится дополнительный боекомплект ко всем видам оружия, состоящим на вооружении полка и дивизии. Вследствие этого немедленные проблемы с боекомплектом и топливом немцам пока не грозят. Но вот чуть позже...

22

При ведении огня из орудий, в основном предназначенных для ведения навесного огня, то есть гаубиц, мортир или минометов, используется несколько типов метательных зарядов, различающихся навесками пороха. Например, у

вышеупомянутой sFH 18, таковых было восемь. При этом заряд № 1 обеспечивал начальную скорость снаряда в 210 м/с, что давало максимальную дальность полета снаряда всего в 4 км, но зато при максимальном возвышении ствола – очень крутую траекторию, позволяющую успешнее поражать цели в окопах, траншеях, щелях, за высокими вертикальными укрытиями и т. п., а заряд № 8 – 520 м/с и 13 325 м дальности.

23

Согласно секретной справке, подготовленной в 1934 году оперативно-учетным отделом ОГПУ, около 90 тысяч кулаков (и приравненных к ним лиц) погибли в пути следования и еще 300 тысяч умерли от недоедания и болезней в местах ссылки.

24

Применение тракторов и иной сельхозтехники в сельском хозяйстве действительно резко повышает производительность труда, но утверждение о том, что это возможно только в условиях крупного коллективного хозяйства – ложно. Все зависит от площади земли у частного и производительности конкретного образца сельхозтехники. Например, тот самый трактор «Фордзон», лицензию на который купили в 1923 году, был специально разработан для небольшого фермерского хозяйства. И в США он использовался именно мелкими и средними фермерами, поскольку был универсальной машиной. Более крупные хозяйства предпочитали специализированные машины. Кстати, по некоторым оценкам, одной из причин того, что купили лицензию именно на «Фордзон», было то, что в начале 1920-х годов никто не собирался отказываться от Декрета о земле, и планировалось и далее, наряду с кооперативным, развивать и индивидуальное крестьянское (фермерское) хозяйство, будучи уверенными в том, что «освобожденный из-под гнета помещиков сельский труженик» решит все проблемы. Впрочем, в какой-то мере до 1930 года так оно и было. Проблемы были не в крестьянах, а в качестве управления...

Двадцатипятитысячники – рабочие крупных промышленных центров СССР (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%A1%D0%A1%D0%A0>), которые во исполнение решения Коммунистической партии (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D1%83%D0%BD%D0%B8>) были направлены на хозяйственно-организационную работу в колхозы (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D1%85%D0%BE%D0%B7>) в начале 1930-х годов (<http://ru.wikipedia.org/wiki/1930-%D0%B5>), в период коллективизации (<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82> сельского хозяйства. Более неподготовленных для сельского хозяйства людей и представить себе трудно. Это были люди чисто рабочих специальностей – ткачи, литейщики, кожевники, а большая часть двадцатипятитысячников, около шестнадцати тысяч, состояли в союзе металлистов (http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%A1%D0%BE%D1%8E%D0%B7_%D0%BC%D)

С учетом полной неподготовленности этих людей в качестве руководителей и в области сельского хозяйства и агрономии, для первичной подготовки их к работе в деревне были созданы специальные курсы. И эти две-три недели были единственным образованием большинства этих людей в области сельхозпроизводства. Впрочем, некоторые из них смогли еще пару-тройку месяцев «постажироваться» в некоторых совхозах, но это было скорее исключением. Коллективизацию им провести удалось, но результатом хозяйствования подобных кадров стало катастрофическое падение валового сбора зерна. Так, в 1930 году (последнем, перед началом кампании сплошной коллективизации, развернувшейся после XVIII съезда ВКП(б), состоявшегося в июне 1930 года) валовый сбор зерна составил 83,5 млн тонн. А вот в 1931 – уже только 69,5 млн тонн, 1932 – 68,4 млн тонн, 1933 – 68,6 и так далее. И это несмотря на массовое поступление в колхозы техники, вызванное началом производства тракторов на Харьковском и Сталинградском тракторных заводах и производства зерноуборочных комбайнов на Запорожском заводе «Коммунар» (1930). Показатель 1930 года смогли превысить только в 1937 году. Но результат оказался неустойчивым и следующие два года сборы снова оказались ниже 1930 года. Несмотря на то, что к 1937 году только в составе МТС уже имелось более 350 тыс. тракторов. То есть использование сельхозтехники при подобной организации труда, в отличие от мировой практики, привело не к повышению, а сначала к катастрофическому падению производительности труда, а потом лишь к восстановлению его уровня. Но сельским хозяйством дело не ограничилось. Отвлечение на проведение коллективизации 27?519 квалифицированных

рабочих и техников (а именно столько, по учетам, было двадцатипятитысячников), которые, к тому же, были наиболее мотивированны в политическом плане (а других отправлять проводить коллективизацию было просто бессмысленно), вызвало столь резкое падение качества продукции и производительности труда и в промышленности, что исправлять это пришлось чрезвычайными мерами.

26

Котовский был застрелен 6 августа

(http://ru.wikipedia.org/wiki/6_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B4

года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1925_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) во время отдыха в совхозе Чебанка Мейером Зайдером

(http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%B0%D0%B9%D0%B4%D0%B5%D1%80,_%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%AF%D0%B4

по кличке Майорчик, бывшим в 1919 году

(http://ru.wikipedia.org/wiki/1919_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) адъютантом Мишки Япончика

(http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B8%D1%88%D0%BA%D0%B0_%D0%AF%D0%B4

По другой версии, Зайдер не имел отношения к военной службе и не был адъютантом «криминального авторитета» Одессы, а был бывшим владельцем одесского публичного дома, где в 1918 году Котовский скрывался от полиции. Документы по делу об убийстве Котовского были засекречены. Мейер Зайдер не скрывался от следствия и сразу заявил о совершенном преступлении. В августе 1926 года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1926_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) убийца был приговорен к десяти годам заключения. Находясь в заключении, практически сразу же стал начальником тюремного клуба и получил право свободного выхода в город. В 1928 году (http://ru.wikipedia.org/wiki/1928_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) Зайдер был освобожден с формулировкой «За примерное поведение». Работал сцепщиком на железной дороге. Осенью 1930 года (http://ru.wikipedia.org/wiki/1930_%D0%B3%D0%BE%D0%B4) был убит тремя ветеранами дивизии Котовского. У исследователей есть основания полагать, что компетентные органы располагали информацией о готовившемся убийстве Зайдера. Тем более, что ликвидаторы Зайдера не были осуждены.

Жаргонное название учащихся ФЗУ – фабрично-заводских училищ.

К окончанию Гражданской войны промышленное производство на территории вскоре образованного СССР составляло только 14 % от уровня 1913 года, производство сельскохозяйственной продукции едва достигало 40 %. Если же учитывать, что в 1914–1916 годах был зарегистрирован 20 % рост промпроизводства, и именно в это время в стране было развернуто серийное производство авиадвигателей, почти полной номенклатуры инструмента и станков, началось производство подшипников, а к 1918 году должны были заработать шесть новых автомобильных заводов, а также несколько авиационных, то падение выглядит еще более катастрофическим.

Купить: <https://tellnovel.com/roman-zlotnikov/kadry-reshayut-vse>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)